

13 несчастий Геракла

Автор:

Дарья Донцова

13 несчастий Геракла

Дарья Донцова

Джентльмен сыска Иван Подушкин #4

С недавних пор Иван Подушкин носится как ошпаренный, расследуя дела клиентов. А все потому, что бизнес-леди Нора, у которой Ваня служит секретарем, решила заняться сыщицкой деятельностью. На этот раз Подушкину предстоит установить, кто из домашних регулярно крадет деньги из стола миллионера Кузьминского. В особняке бизнесмена полно домочадцев, и, как в английских детективах, существует семейное предание о привидении покойной матери хозяина – художнице Глафире. Когда-то давным-давно она убила себя ножницами, а на ее автопортрете появилось красное пятно... И не успел Иван появиться в доме, как на картине опять возникло пятно! Вся женская часть семьи в ужасе. Ведь пятно – предвестник смерти! Иван скептически относится к бабьим истерикам. И напрасно! Вскоре в доме произошла череда преступлений, а первой убили горничную. Перед портретом Глафиры! Ножницами!..

Дарья Донцова

13 несчастий Геракла

Глава 1

Каждый сам кузнец своего счастья. Банальная истина, но от большой затасканности она не перестала быть справедливой. В конце концов, все, что происходит в жизни с людьми, результат их поведения. Слышали когда-нибудь поговорку: «Посеешь поступок, пожнешь привычку, посеешь привычку, пожнешь судьбу»?

Вот Элеонора дала один раз объявление в газету о создании детективного агентства «Ниро», потом повторила его, затем стала размещать регулярно, и теперь спокойная, размеренная жизнь в нашем доме закончилась. Сюда постоянно шлятся невероятные личности. Только не подумайте, что агентство процветает, а клиенты отпихивают друг друга локтями у двери. Не далее как вчера заявила тетка, перепутавшая «Ниро» с салоном магии. Два часа Нора втолковывала ей, что не занимается любовными приворотами, но дурочка, хлопая глазами, возражала:

– Так объявление же дали! Сделайте мне амулетик на вечную любовь!

В конце концов моя хозяйка разъярилась и заорала:

– Ты читать умеешь? Черным по белому написано: «Профессиональный детектив Элеонора уладит любые щекотливые дела. По поводу сбежавших животных и супругов не обращаться».

– Зачем тогда объявление даете, – ныла тетка с самым безумным видом, – уж помогите, Христа ради, муженек, гад, к соседке переметнулся, верните назад, дайте талисман!

– Послушай, – устало сказала Нора, – вот видишь, еще колонка о пропаже щенков, по твоей логике, я должна и ими торговать, а? Русским языком сказано: «Не занимаюсь приворотами»!

Тетка ушла, страшно обиженная, в прихожей она сшибла дорогую напольную вазу, подаренную Элеоноре Сергеем Петровичем Кузьминским, и заявила:

– И не думайте, что хоть копейку заплачу за эти битые черепки.

У меня зачесались руки, но хорошее воспитание победило, и я с вежливой улыбкой выпроводил бабенку на лестницу.

Днем раньше к нам заявился мужик, которого сильно мучило похмелье.

– Я человек честный, – сразу сказал он, – водки в рот не беру, совершенно согласен.

– На что? – оторопела Нора, откатываясь в кресле подальше от посетителя.

Хозяйку можно было понять: от гостя исходил тошнотворный запах давно немытого тела и стойкого перегара.

– На все, – улыбнулся ханурик, обнажив черные остатки зубов, – зарплату можно сначала маленькую положить – долларов пятьсот. Но после испытательного срока придется удвоить.

– Так вы хотите наняться ко мне на работу, – прозрела Элеонора, – но я не нуждаюсь в сотрудниках.

– За каким фигом тогда объяву напечатала, – искренне удивился алкаш, – вот тут, про щекотное положение.

Нора сдвинула брови и сердито спросила:

– Что же вы увидели щекотливого в своей ситуации?

– Ну щекочет меня без денег, – заявил мужик, – дайте авансик!

Слава богу, выталкивать его из кабинета не пришлось – как только я, взяв телефонную трубку, пробормотал: «Сейчас вызову милицию», «клиент» мигом испарился.

И так каждый божий день. Для меня остается загадкой: люди на самом деле не умеют читать даже самый простой текст? Или они прикидываются дурачками, чтобы извлечь собственную выгоду?

– Думается, надо перестать давать объявления в газетах, – робко посоветовал я хозяйке, когда очередная тетка, мечтавшая сняться в эротическом кино, покинула ее кабинет.

– Ерунда, – отмахнулась она, – скоро настоящие клиенты косяком пойдут.

Я только вздохнул. Элеонора невероятно упряма – если вбила себе что в голову, никогда не отступится от затеи, какой бы глупой она ни была. Впрочем, это присуще многим женщинам.

Поскольку дверь в нашу квартиру открываю я, то представляете, как я обрадовался, услышав очередной звонок? Часы показывали десять вечера, я лежал на диване, укрытый пледом, и мирно читал купленную сегодня в магазине книгу «Россия от Ленина до Сталина». Мне нравятся такие произведения. С одной стороны, они основаны на реальных исторических фактах, с другой – не похожи на учебник. Одним словом, я наслаждался отдыхом, чувствуя, как ко мне на мягких лапах подкрадывается сон, и вот вам, пожалуйста.

– Ваня, – закричала Элеонора, – клиенты! Ты что, заснул? Беги скорее, чтобы не ушли.

Я медленно побрел к двери. Может, и впрямь подумают, будто детектива нет, и уберутся восвояси?

Но звонок прозвенел еще раз, потом второй, третий. Я шел по коридору, втайне надеясь, что сейчас увижу на пороге соседку, которая протянет пустую сахарницу и затараторит: «Дайте песочку, сели чайку попить, глянули – а сахара нет!»

Только подобного в нашем доме не случается никогда; здесь в просторных квартирах проживают более чем обеспеченные люди, которые, поняв, что у них не хватает каких-либо продуктов, отправят прислугу в супермаркет.

Я глянул на экранчик видеодомофона и обрадовался. Перед дверью с задумчивым видом стоял хороший знакомый Элеоноры Сергей Петрович Кузьминский.

Я мигом справился с замками и заулыбался:

– Здравствуйте.

– Добрый вечер, Ваня, – он улыбнулся мне в ответ, – не поздно я заявился? Как-то неудобно, без предварительного звонка, после десяти вечера. Нора не спит?

– У нее жизнь в это время только начинается, – успокоил я гостя. – Хотите чаю?

– Спасибо, поостерегусь, давление скачет, – ответил Кузьминский и пошел в кабинет к Элеоноре.

Я же вернулся к себе в спальню, лег на диван и снова взял книгу. Слава богу, не потребуется сидеть в кабинете, ведя записи или выслушивая очередные бредовые речи.

Но не успел я прочитать с десятков страниц, как раздался звонкий голос Норы:

– Ваня, иди сюда.

Я встал, заправил рубашку в брюки, накинул пиджак и, решив, что галстук можно не завязывать, пошел на зов.

Кузьминский и Нора сидели за небольшим столиком, на котором стояли бутылка с коньяком и пузатые фужеры.

– Ты поедешь с Сергеем Петровичем, – заявила Нора.

– Зачем?

– Будешь работать у него секретарем.

От неожиданности я сел в кресло без разрешения.

– Вы меня увольняете?

– Не пори чушь! – отмахнулась Нора. – Сергей Петрович нанимает нас в качестве детективов, и тебе необходимо провести разведку на месте.

– Наверное, следует ввести Ваню в курс дела, – прервал мою хозяйку Сергей Петрович, – если разрешите, я озвучу проблему.

– Давай, – кивнула Нора.

Кузьминский вытащил золотой портсигар, покопался в нем, наконец выудил тонкую, совершенно дамскую папироску и завел рассказ.

Сергей Петрович очень богатый человек. Начинал он, как все, с продуктов, потом занялся то ли водкой, то ли бензином, честно говоря, точно не знаю. Затем принялся торговать мебелью, хозяйственными товарами и прогорел. Многие люди, получив от судьбы пинок, сложили бы лапки и ушли в глухой запой, но Сергей Петрович принадлежал к иной категории. Колотушек он в то черное для себя время получил столько, что хватило бы на пятерых.

Сначала разорился, потом потерял жену и дочь. Любящая супруга, прихватив ребенка, убежала. Она решила, что Кузьминскому больше никогда не подняться, и не захотела жить в нищете. Но сильно просчиталась. Сергей Петрович продал шикарную квартиру, дачу, роскошную иномарку и номерные часы. Переехал в крохотную комнатуху, пересел на «шестерку», а все вырученные средства вложил в новое дело – основал риэлторскую контору.

Теперь у него есть загородный особняк, сверкающий «Мерседес» и штук пять часов стоимостью, как авианосец. Скромное предприятие по недвижимости превратилось в гигантский холдинг. Сергей Петрович продает и покупает квартиры, строит особняки, имеет страховую компанию и точку, торгующую автомобилями, – одним словом, он стал намного богаче, чем до своего разорения.

Сплетники поговаривали, якобы супруга Кузьминского, поняв, что сдуру поставила не на ту лошадь, решила вернуться назад, но он жену не простил, хотя и не развелся с ней, просто купил ей, Маргарите, квартиру и стал платить алименты. Дочь он забрал к себе.

Сейчас в особняке Сергея Петровича живет довольно большое количество народа. Во-первых, Белла, его двадцатилетняя дочка, во-вторых, Анна, сестра Маргариты, в-третьих, муж Анны, Валерий, в-четвертых, их дочь Клара. Это не считая горничных, шофера, садовника...

Естественно, в такой семье возникают трения. Белла ненавидит свою двоюродную сестру, Клара платит ей той же монетой, Анна периодически пытается захватить все руководящие посты в доме и начинает командовать прислугой, а та принимается хамить ей, открыто заявляя: «Нам платит Сергей Петрович, а вы тут в приживалках ходите».

Валерий ни во что не вмешивается, больше всего на свете он любит покой, поэтому, когда в доме начинается скандал, просто уходит в свою комнату, заявляя: «У меня срочная работа».

Отчего Анна, Клара и Валерий живут вместе с Сергеем Петровичем, я не знаю. Если бы я являлся обладателем огромного состояния, вряд ли поселил бы в своем доме сонм родственников, но чужая душа потемки.

Впрочем, до недавнего времени, несмотря на изредка вспыхивающие скандалы, обитатели просторного особняка вполне уживались друг с другом. Стоит ли говорить, что всех содержит Кузьминский?

Белла учится в институте, Клара в университете, Анна работает преподавателем в каком-то заштатном институте, Валерий тоже служит в НИИ. В общем, все было хорошо, но месяц назад у Сергея Петровича из стола пропали деньги.

Кузьминский очень аккуратный человек. Он ни разу ничего не терял, но тут подумал, что просто выронил перетянутый резинкой сверток. Сумма в десять тысяч долларов, огромная для любого другого человека, для Сергея Петровича – копейки. Поэтому он просто обозлился на себя и благополучно забыл о происшествии.

Два дня назад к нему обратился один из приятелей с просьбой одолжить денег на покупку машины. Сергей Петрович пообещал помочь, взял в банке сто тысяч, принес их домой, положил в ящик письменного стола, поужинал, потом встретил друга.

Они вместе поднялись наверх. Сергей Петрович вынул пакет с баксами и, протянув просителю, сказал:

– Хочешь, пересчитай купюры, но в банке их при мне проверили!

Друг спросил, пересчитывая пачки:

– Сколько в каждой упаковке?

– Десять тысяч, – ответил Сергей Петрович.

– Значит, всего тут девяносто, – констатировал приятель.

– Сто, – воскликнул Кузьминский, – там десять пачек.

– Нет, девять, – возразил друг.

Сергей Петрович устался на стол, потом пересчитал аккуратные зеленые брикетки. К его огромному удивлению, их и впрямь оказалось девять. В душу Кузьминскому змеей вползло нехорошее предположение. Ладно, первый раз, месяц назад, он потерял деньги, но сейчас? Куда подевались баксы? То, что их было ровно сто тысяч, Кузьминский помнил отлично. Спускаясь ужинать, он пересчитал пачки, их было десять!

Сергей Петрович разозлился. Вновь пропала не слишком крупная для него, можно сказать, ерундовая сумма, но не в этом дело. В доме завелся вор, и Кузьминский преисполнился решимости найти наглеца.

Естественно, он не хотел позориться и поэтому не стал обращаться в милицию. Открыто сообщать домашним о своих предположениях тоже не стал. Мерзавец один, а под подозрение попадают все. С одной стороны, Сергею Петровичу неприятно обижать людей, живущих с ним в одном доме, с другой – он не хочет, чтобы ворюга, узнав о затеваемом следствии, затаился.

Поэтому Кузьминскому пришло в голову самое простое решение. Ему давно нужен личный секретарь, он не раз говорил вслух о своем желании нанять интеллигентного, спокойного мужчину, который поселился бы в доме. Сергей

Петрович принадлежит к старинному роду Кузьминских. Его предки были дворянами, и бизнесмен давно мечтает составить генеалогическое древо своей семьи. Всяких документов у него чемоданы. Его мать и бабка тщательно берегли бумаги, оставшиеся от пращуров. Чего там только нет: старинные свидетельства о рождении, семейные Библии, чьи-то дневники, письма, счета. Все это, вкупе с фотографиями, свалено кучей и давно вопиет о наведении порядка. Вот уже год как Кузьминский каждое воскресенье пытается разобраться с бумагами и, спускаясь к ужину, заявляет:

– Самому не справиться! Нет, определенно нужно нанять секретаря, там такая прорва документов...

Сергей Петрович прервал рассказ и перевел дух.

– Ты сейчас поедешь с Кузьминским, – заявила Нора, – и будешь изображать его помощника.

– Зачем? – спросил я, великолепно зная ответ.

Нора стукнула кулачком по подлокотнику кресла.

– Ваня, не придуривайся! Человек, повадившийся таскать деньги, будет продолжать это делать. Твоя задача – выследить его.

– Вовсе нет, – я попытался оказать вялое сопротивление, – скорей всего вор побоится разбойничать, он уже получил двадцать тысяч долларов за короткий срок и теперь, я думаю, доволен.

– Нет, – сердито оборвал меня Кузьминский, – прощелыга считает меня идиотом, не способным запомнить, сколько денег у него лежит в столе, он обязательно выйдет на охоту еще раз. Два удачных ограбления только разогрели его аппетит.

– У вас дома нет сейфа? – удивился я.

– Есть, – рявкнул Сергей Петрович.

– Кладите деньги всегда в него, – посоветовал я, – и избежите неприятностей. Надеюсь, шифр никто, кроме вас, не знает?

– Нет, – побагровел Кузьминский, – сейф могу открыть только я. Но не в купюрах дело! Хочу вычислить вора и с позором изгнать его из дома. Мне нестерпимо жить с мыслью о том, что рядом ходит преступник, и очень не нравится, что я невольно начал подозревать всех.

– Иди, Ваня, собери сумку, – приказала Нора.

Вы представляете, как мне хотелось срываться с насиженного места, чтобы ехать неизвестно куда и выполнять роль соглядатая?

– Но вор может не проявить себя целый год. – Я опять попытался сопротивляться.

Сергей Петрович прищурился.

– Нет, скоро он предпримет еще одну попытку.

– Почему?

– Завтра утром я скажу, так, между прочим, что в столе лежит крупная сумма денег, что не знаю, сколько там точно, пересчитаю вечером, когда вернусь с работы. Негодяй гарантированно полезет в кабинет, тебе останется лишь выследить его.

– Но...

– Ваня! Собирай сумку, – отчеканила Нора, – ты едешь к Сергею Петровичу.

Делать нечего, пришлось идти в спальню и паковать чемодан. Да, похоже, мне сегодня не почитать книгу «Россия от Ленина до Сталина».

Утром мои глаза наткнулись на незнакомый потолок. Пару секунд я в недоумении смотрел на обильную позолоту, потом сообразил: нахожусь не дома, лежу на слишком мягкой и просторной кровати в чудовищной комнате. Стены ее выкрашены нежно-голубой краской, потолок сверкает, словно церковный купол, из его середины свисает бронзовая люстра, украшенная миллионом хрустальных подвесок. Под стать ей и мебель. В левом углу расположился огромный гардероб, белый с растительным орнаментом. Справа стояло трюмо: большое овальное зеркало в резной раме, опирающееся на столик, покоящийся на тонких изогнутых ножках. Возле окна, задернутого парчовыми занавесками, громоздилось роскошное вольтеровское кресло и пара пуфиков. Стены украшали картины «ужасающей» красоты.

На одной изображена полуголая мясистая девица, стоящая на берегу пруда. Толстой целлюлитной ножкой она пробовала воду, на ее глуповатом щекастом личике застыло выражение мрачной решимости. Очевидно, девушка собралась утопиться и пыталась определить температуру воды.

Второе полотно запечатлело охотника с поднятым автоматом. Мужик в темно-зеленом камзоле и сапогах-ботфортах выглядел дико. На мой взгляд, живописец плохо знал историю. Когда появился «калашников», подобные камзолы и напудренные парики давным-давно перестали носить. У ног охотника лежал трофей: тигр с раскинутыми в разные стороны могучими лапами. Если учесть, что вокруг простирался самый обычный лес средней полосы России, то ситуация выглядела особо комичной. Ели, дубы, осины, на полянке убитый тигр и охотник, одетый по моде семнадцатого века, с оружием, появившимся на свет на три столетия позже.

Но более всего меня впечатлила кровать. Я увидел ее целиком, только когда встал на ноги. Белые резные спинки по бокам были украшены изящными ангелочками с хищными, недобрыми лицами. Необъятные подушки, трехметровая перина, шелковое, скользкое белье. Покоилась эта неземная красота на львиных лапах.

Я покачал головой и толкнул дверь в ванную комнату. Она тоже выглядела сногшибательно. Унитаз и раковина нежно-розовые, с латунными кранами, душевая кабинка – интенсивно фиолетового цвета. На крючках болталось штук

десять разнокалиберных полотенец, розовых, как кожа молодого поросенка, а на двери висел халат, который, казалось, основательно вымочили в чернилах. В стаканчике торчала новая зубная щетка, в мыльнице лежало, естественно, мыло, на полочке теснились шампунь, гель для бритья и упаковка одноразовых бритв. Кто-то все заботливо предусмотрел.

Я умылся и обнаружил в шкафу свой идеально вычищенный и отглаженный костюм, рубашку постирали и даже накрахмалили.

Внезапно мне стало не по себе. У Элеоноры есть домработница Ленка, которая выступает сразу в нескольких ипостасях. Она и уборщица, и кухарка, и прачка. К слову сказать, квартиру Ленка пылесосит ужасно, просто разгоняя грязь по углам, а если ей взбредет в голову протереть письменный стол, то ни настольную лампу, ни сложенные стопкой книги она не поднимет, просто повозит тряпкой вокруг, оставляя на полировке мутные разводы. Готовит Ленка тоже отвратительно, а гладить просто не умеет.

Но у нее есть и положительные качества: она никогда без спроса не зайдет в ванную комнату и не станет рыться в вещах. У Сергея Петровича Кузьминского в доме заведено иначе. Вчера вечером я лег спать, не разобрав саквояж. Просто поставил сумку у шкафа, решив заняться вещами утром. И что же? Пока я мирно спал, кто-то вошел в комнату, разложил шмотки, почистил костюм и постирал рубашку.

Оно, конечно, спасибо, но мне не нравится, когда посторонние без предупреждения вваливаются туда, где я сплю.

– Завтрак на столе, – прохрипело из угла.

От неожиданности я подскочил и увидел в углу комнаты небольшой динамик.

Поколебавшись немного, я не стал завязывать галстук – в конце концов, утром позвоительно спуститься к трапезе без особых формальностей.

В столовую я вошел последним, все члены «стаи» Кузьминского уже наслаждались кофе. Никто из них не удосужился одеться, все были в халатах.

– Садись, Ваня, – кивнул хозяин.

Я приблизился к свободному стулу, чувствуя, как в меня вонзаются не слишком дружелюбные взгляды.

– Прошу любить и жаловать, – улыбнулся Сергей Петрович, – Иван Павлович Подушкин, мой секретарь.

– Здравствуйте, – прозвучал нестройный хор голосов.

– Садись, Ваня, не стесняйся, – повторил Кузьминский, – чувствуй себя как дома. Это Белла, моя дочь.

Слишком полная для своего возраста, белокурая девушка скорчила гримаску, но ничего не сказала.

– На другом конце стола, – как ни в чем не бывало продолжал Сергей Петрович, – сидит Клара, моя племянница.

Тоненькая, даже хрупкая девушка мило улыбнулась и помахала мне изящной ручкой.

– Привет.

– Привет, – осторожно ответил я.

– Вообще-то ее зовут Клава, – заявила Белла. – Она сама себя в Клару переименовала.

– Тебе не все равно, – мигом отозвалась двоюродная сестра, – чего лезешь!

– Девочки, спокойно, – строго сказала женщина лет пятидесяти.

– Она первая начала, – не успокаивалась Клара.

– А вот и нет, – не сдалась Белла, – ты имя первая переделала, никакая ты не Клара, а Клавка!

– Знакомься, Ваня, – ледяным тоном продолжил Кузьминский, – моя свояченица Анна, а это ее муж Валерий.

Я посмотрел на апатичного, белобрысого типа, сильно смахивающего на простуженного бультерьера, и, выдавив улыбку, сказал:

– Очень приятно.

Анна промолчала, а Валерий пробормотал что-то вроде бр-бр.

Я решил, что он поздоровался.

– Ну вот, – потер руки Кузьминский, – теперь ты знаешь всех, но надо еще познакомиться и с главным человеком, с Ларисой Викторовной.

Довольно полная женщина в черном платье, стоящая у буфета, укоризненно воскликнула:

– Скажете тоже! Главный человек. Все бы вам, Сергей Петрович, насмешничать.

– Ну, не скромничай, – засмеялся хозяин, – мы без тебя пропадем, ничего не найдем: ни одежду, ни белье, ни холодильник.

– Ладно вам, – отмахнулась Лариса Викторовна, – пойду посудомойку освобожу.

Тяжело ступая, она ушла.

– Мне кажется, что не следует так нахваливать прислугу в лицо, – сердито заметила Анна, – наслушается комплиментов и начнет хамить!

– Лариса отлично работает, – кинулась в атаку Белла, – она все мне на место кладет!

Клара захихикала:

– Вау, она тебе няня! Это круто! Она тебе памперсы меняет?

– Дура!

– Мама, – загундосила Клара, – Белка опять ругается!

– Сергей, – воскликнула Анна, – ну почему ты не объяснишь Белке, как следует...

– Не смейте меня так называть! – взвилась девочка. – Я тебе не Белка, а Белла, запомнила?

Анна встала и плаксиво заявила:

– Нет, это невозможно, у меня голова заболела. – И выскочила в коридор.

Белла и Клара уставились друг на друга ненавидящими взглядами.

– Вот вырасту, стану хозяйкой в доме, – отмерла дочь Сергея Петровича, – и всех выгоню!

– Белла! – разозлился отец. – Думай что говоришь.

Валерий, до сих пор молча поглощавший творог, оторвал глаза от тарелки. Мне стало жаль Кузьминского, сейчас свояк вступится за жену и дочь...

– Передайте мне хлеб, – попросил тот.

– Меня оскорбили, – голосом обиженной третьеклассницы заявила Клара.

Ее папаша спокойно намазывал на хлеб масло.

– Теперь весь аппетит пропал, – гундосила Клара.

– А у меня нет, – заявила Белла.

Клара презрительно ухмыльнулась:

– Еще бы! Тебя ничто не способно отвернуть от еды, небось уже сто кило вешишь!

– Лучше быть полной и веселой, чем тощей занудой, как ты, – не осталась в долгу Белла. – И потом, мне нет необходимости покупать себе лифчики с гелевыми подкладками, у меня и так роскошная грудь, а не прыщи!

Клара разрыдалась. Сергей Петрович нахмурился. Белла, страшно довольная, вскочила и, чмокнув отца, убежала. Ее двоюродная сестра продолжала лить сопли.

– Ладно, Клара, хватит, – поморщился Сергей Петрович, – не из-за чего сырость разводить.

– Да, – всхлипывала девушка, – так всегда, постоянно! Белла мне нахамит, а ей ничего не бывает!

Схватив со стола салфетку, Клара принялась усиленно тереть глаза. Валерий спокойно доел бутерброды, допил кофе и молча удалился. Я позавидовал его нервной системе. Честно говоря, мне было не по себе. Согласитесь, неприятно стать свидетелем семейного скандала.

Клара продолжала рыдать.

– Лариса! – крикнул хозяин.

– Слушаю, – отозвалась та, появляясь на пороге.

– Принеси мой кошелек.

Через пару минут, получив портмоне из крокодиловой кожи, Сергей Петрович выудил оттуда несколько зеленых бумажек, протянул их племяннице и примирительно сказал:

– Ладно, ты вроде говорила вчера, что видела в Пассаже красивое колечко? Пойди купи себе.

Слезы высохли на лице Клары словно по мановению волшебной палочки. Она мигом схватила ассигнации, пересчитала их и воскликнула:

– Если бы у меня нашлось еще сто долларов, то хватило бы и на серьги! Комплект-то красивее!..

Сергей Петрович безропотно протянул ей еще одну купюру.

– Спасибо, дядечка, – сказала Клара, и тут в столовую влетела Белла.

– Папа, ты меня отвезешь в город, – завела было она, но тут же осеклась и возмущенно заорала: – Клавка опять денег выклянчила!

– Мне дядечка сам дал, – быстро ответила Клара, засовывая доллары в карман. – Я ничего не просила!

– Как бы не так! – перекосилась Белла. – Ты специально закатываешь истерики и успокаиваешься лишь при виде подачки!

– Можно подумать, что тебе твой отец не дает денег, – ринулась в атаку Клара.

– Только на праздники, – гордо вскинула голову Белла, – я не попрошайка.

– Ага, – захихикала Клара.

Потом она встала, поцеловала дядю, вежливо улыбнулась мне, вышла в коридор, но уже через секунду сунула голову в дверь и заявила:

– Конечно, только на праздники, тысячи в конверте, а еще ты пользуешься его кредиткой VISA, и вовсе не попрошайка – просто транжира!

Сжав кулаки, Белла бросилась к двери. Клара мгновенно ее захлопнула. Дочь Кузьминского налетела на преграду, выругалась, рванула ручку, выскочила в

коридор, откуда незамедлительно донесся визг, грохот... Потом раздался голос Анны:

– А ну прекратите безобразничать, на занятия опоздаете!

Я чувствовал себя хуже некуда, пить кофе мне совсем расхотелось. Тут распахнулась дверь, и появилась девушка.

– Горячее, – объявила она, – мясо с картофелем.

Сергей Петрович кивнул. Девушка подошла ко мне с левой стороны и левой же рукой попыталась положить с подноса котлету на мою тарелку. Естественно, та угодила прямо на скатерть. Я вздохнул. Прислуге никто не объяснил, что следует подходить справа и раскладывать еду правой рукой, держа блюдо в левой. Странно, что Кузьминский нанял столь неумелую особу, даже Нюша у Николетты освоила азы науки прислуживания за столом.

Сергей Петрович отодвинул свою чашку и мирно сказал:

– Пошли в кабинет.

– Вы же хотели сообщить своим домашним о большой сумме денег, которая лежит у вас в столе, – напомнил я.

Кузьминский вздохнул:

– Лучше вечером, так логичнее. Приехал и привез. Давай, Ваня, шевели ногами. Тебе и впрямь придется для вида рыться в бумагах.

Через час дом опустел. Валерий сел в красивую иномарку, Клара устроилась рядом с ним на переднем сиденье. У Анны оказалась своя машина, маленькая, крохотная «Пунто» ярко-красного цвета. Беллу и Сергея Петровича на серебристом «Мерседесе» увез шофер.

Я увидел из окна, как кавалькада автомашин вырулила на дорогу, ведущую к воротам, и пошел выполнять приказ Кузьминского – осматривать дом. Здание оказалось гигантским, трехэтажным, вернее, этажей было четыре, если считать

еще и цокольное помещение, в котором находились бассейн, сауна, бильярд, прачечная и комнатка, где громоздился котел отопления.

На первом этаже было немного комнат. Столовая, гостиная с камином – огромные, сорокаметровые помещения с высокими полукруглыми окнами. Еще здесь имелись комната с аккуратно застеленной кроватью – очевидно, гостевая, кухня, несколько кладовых, туалет, ванная...

Увидав, что я заглянул в кухню, Лариса Викторовна улыбнулась:

– Не хотите кофейку спокойно попить?

Сидевшая у стола возле кастрюли с нечищенной картошкой девушка улыбнулась и, выпрямившись, кокетливо подхватила:

– Присоединяйтесь к нам, познакомимся!

– Катя, – сердито оборвала ее Лариса Викторовна, – занимайся своим делом!

Девушка покорно взяла отложенный ножик и принялась с деланным усердием скрести клубень, не забывая при этом стрелять в мою сторону густо намазанными глазами.

– Спасибо, – ответил я, – пока не хочется.

– Как только проголодаетесь, – заботливо продолжила Лариса Викторовна, – немедленно приходите. Кстати, что вы предпочитаете из еды?

Я пожал плечами:

– Я всеяден, словно опоссум.

– В наше время редко встречаются некапризные мужчины, – улыбнулась экономка. – И все-таки, что вы больше любите – рыбу, птицу?

– Мясо, – ответил я, – не отличаюсь особой оригинальностью, как большинство представителей моего пола, великолепно отношусь к котлетам.

Обсудив с Ларисой Викторовной достоинства и недостатки бараньих отбивных, говяжьей вырезки и свиного окорока, я плотно закрыл дверь и хотел идти на второй этаж, но тут из-за створки донесся громкий голос Кати:

– А симпатичный какой! Высокий! И с утра в костюме! Мне такие мужчины нравятся. Не знаете, Лариса Викторовна, он женат?

– Эта птица не для тебя, Катерина, – сурово ответила экономка, – ты уже что, не убиваешься по Косте?

– Так он меня бросил, – протянула Катя. – Этот секретарь симпатичный. Как вам кажется, я ему понравилась?

Я на цыпочках отошел от двери и двинулся на второй этаж. В самом конце была моя комната, за ней следовал кабинет Сергея Петровича. При желании я мог попасть в него, не выходя в коридор. Помещения соединяла небольшая дверка. Впрочем, хозяин тоже мог войти ко мне из своей спальни. Все три «отсека»: его опочивальня, рабочая комната и моя спальня шли анфиладой. Потом следовал небольшой холл с диваном и парой кресел, а за ним начиналась половина, на которой проживали Анна, Валерий и Клара. У каждого из них имелось по собственной комнате.

Мне показалось неприличным изучать в отсутствие хозяев их спальни, поэтому я просто приоткрывал двери и тут же их закрывал. В комнатах Сергея Петровича царил спартанский порядок, все было убрано, расставлено и разложено. У Валерия сильно пахло табаком, очевидно, он курил трубку, у Анны повсюду валялись интимные детали туалета, а у Клары был такой кавардак, что я даже изумился.

Со второго этажа на третий вела винтовая лестница, я поднялся по ней и попал в мансардное помещение, огромное, наверное, стометровое, с массой уголков и закоулков. Все оно принадлежало Белле. И в отличие от двоюродной сестрицы-неряхи Беллочка оказалась аккуратисткой. Кровать у нее была застелена пушистым розовым пледом, несколько десятков плюшевых игрушек сидели на полках, на длинном, извилистом, прикрепленном к стене столе стояло

неимоверное количество техники: телевизор, компьютер, принтер, сканер, музыкальный центр и еще какие-то непонятные штуки, мирно моргавшие зелеными лампочками. Пол устилал ковер светло-бежевого цвета, в других помещениях покрытия имели более темный оттенок.

Еще одно отличало владения Беллы. Здесь не имелось ни одной картины. На стенах тут и там виднелись постеры в простых белых рамках.

Я спустился на второй этаж, устроился в кабинете и сделал вид, будто разбираю бумаги. Честно говоря, живопись, которой был украшен дом, поражала. Сергей Петрович потратил не один десяток тысяч долларов, меблируя покои. Тут все было дорогим, качественным. За исключением бело-голубой комнаты, которая временно досталась мне, все остальные выглядели безупречно элегантными, и... вдруг жуткая мазня в тяжелых бронзовых рамах.

Кабинет хозяина украшал портрет дамы в жемчугах. Неведомый художник плохо владел пропорциями, поэтому руки женщины получились несуразно длинными. Лицо казалось плоским и каким-то непрорисованным, зато роскошное серое платье было выписано с любовью. Рюшечки, оборочки, воланчики, кружавчики... Абсолютно гладкую, неправдоподобно белую шею украшало жемчужное ожерелье, а над ключицей ярко краснело круглое пятно.

Более идиотского полотна я в жизни своей не видел, впрочем, остальные, рассеянные по комнатам, выглядели еще гаже.

В спальне Кузьминского красовалась «обнаженка». Бело-зеленая девка, больше похожая на труп, вытащенный из воды, чем на красавицу, будоражащую чувства мужчины. В столовой висели нелепые натюрморты, отчего-то выполненные мрачными, темными красками, в гостиной наводил ужас средневековый замок, перед которым высилась виселица, а коридоры украшали карандашные наброски, впрочем, весьма милые. Они изображали домашних животных: кошечек, собачек, цыпляток, утят... Абсолютный кич, но, согласитесь, намного приятнее смотреть на подобные картинки, чем на висельника.

Промучившись в кабинете, я почувствовал голод и пошел на кухню.

Лариса Викторовна была одна. Кокетливая девушка Катя носилась по второму этажу с пылесосом.

– Чай, кофе? – засуетилась экономка.

В мгновение ока передо мной очутились чашка и тарелка с бутербродами.

Я сделал глоток и не сдержал восхищения:

– Божественно! Первый раз в жизни пью такой вкусный кофе.

Лариса Викторовна зарделась.

– Я варю его с кардамоном, и еще... надо добавить чуть-чуть порошка какао, щепотку, естественно, не растворимого, а настоящего, нашего, фабрики «Красный Октябрь». Ну как, осмотрели дом?

Я кивнул. Масло у них тоже вкусное, в него добавлен чеснок.

– Понравилось? – Лариса Викторовна усиленно втягивала меня в беседу.

– Отличное здание, – улыбнулся я, – вот только...

– Что? – жадно поинтересовалась экономка.

Я на секунду заколебался. Ну какое право я имею критиковать художественный вкус хозяина?

– Так что вам не по душе? – упорно настаивала Лариса Викторовна.

– Очень оригинальные картины, – осторожно ответил я, – по-моему, они... э... э... не слишком соответствуют концепции убранства дома.

Лариса Викторовна прижала палец к губам:

– Тише.

Я замолчал.

Экономка улыбнулась:

– Хорошо, что мне сказали, надеюсь, Сергею Петровичу ничего такого не озвучили?

– Нет, конечно.

– Ага, – кивнула Лариса Викторовна, – если хотите долго работать у Кузьминского... К слову сказать, Сергей Петрович невероятно щедрый человек. Он сначала определяет вам оклад, потом начинает давать премии, делать подарки... Так вот, если желаете долго прослужить у него секретарем, мой вам дружеский совет: хвалите все полотна беззастенчиво. В особенности хозяину по душе, когда его сравнивают с Пикассо. Вот приедет он сегодня со службы, зайдет в столовую, а вы ткните пальцем в эти отвратные темно-зеленые апельсины и скажите: «Господи! Да у вас тут подлинник Пикассо!»

– Насколько я знаю, этот художник никогда не писал цитрусовых, смахивающих по цвету на жабу, – возразил я, – он любил одно время совсем другие цвета. «Розовый период Пикассо», «Голубой период Пикассо», потом увлекался кубизмом...

– Образованного человека сразу видно, – восхитилась Лариса Викторовна. – Но сейчас-то речь идет о том, чтобы потрафить хозяину.

– Так это его работы, – дошло наконец до меня.

– Ну да, – кивнула Лариса Викторовна, – мама Сергея Петровича, Глафира Анисимовна, была художницей. Кстати, картинки со зверушками – ее работы.

– Очень милые.

– На мой взгляд тоже, – кивнула Лариса Викторовна, – но не все ее произведения таковы. От замка меня оторопь берет.

– Это тоже принадлежит кисти Глафиры Анисимовны? – поразился я. – Надо же, какие полярные вещи! Собачата, котята и висельник!

Лариса Викторовна налила мне еще кофе, потом наполнила доверху свою чашку и принялась самозабвенно сплетничать.

Мать Сергея Петровича была странной женщиной. Но ее муж, Петр Фадеевич, вначале не обращал внимания на, мягко говоря, не совсем адекватное поведение жены. Глафира легко переходила от смеха к слезам, быстро обижалась, помнила обиды десятилетиями и могла возненавидеть человека, если он приходил в платье красного цвета. Дальше – больше. Постепенно ее начал раздражать яркий солнечный свет, она стала задегивать плотные гардины и жечь сутки напролет искусственный свет. Потом появилась новая фенька – Глафире стали повсюду мерещиться враги, она перестала есть еду, которую готовила кухарка, питалась одним печеньем, лично покупая его в булочных и пряча у себя в спальне.

Все окружающие воспринимали Глафиру как сумасшедшую, один Петр Фадеевич считал супругу милой сумасбродкой, но, когда она бросилась на мужа с ножом, выкрикивая: «Ты решил меня убить», и у супруга спала пелена с глаз.

В дом косяком потянулись врачи. Диагноз звучал приговором – прогрессирующая шизофрения.

Петр Фадеевич принялся лечить супругу, его жизнь превратилась в цепь однотипных событий: обострение недуга жены – ремиссия – снова ухудшение.

Жить с психически больным человеком в одном доме тяжелый крест. Петр Фадеевич терпеливо сносил все – истерики, крики: «Сейчас покончу с собой», вопли: «Я тебя мучаю...»

Но господь заметил страдания Кузьминского, и случилось счастливое событие. Однажды Петр Фадеевич купил своему маленькому сыну Сереже акварельные краски. Мальчик, с увлечением игравший в солдатиков, вежливо поблагодарил папеньку и забросил коробку в шкаф. Невесть как она попала в руки Глафиры.

За одну ночь дама превратилась в страстную художницу. Петр Фадеевич не верил своим глазам. Бьющаяся по пять раз на дню в истерических припадках супруга приклеилась к бумаге, с невероятным энтузиазмом водя по ней кисточкой.

Естественно, муж кинулся в магазин. Через неделю комната Глафиры была превращена в мастерскую. Измученный Петр Фадеевич приобрел жене самые лучшие краски, супердорогие кисти, изумительную бумагу, холсты, заказал мольберт.

В квартире воцарился долгожданный покой, Глафира стала другим человеком, припадки безумия и злобы сошли практически на нет.

Петр Фадеевич как мог поощрял жену. Ее полотна вставлялись в роскошные рамы и немедленно вывешивались на стенах. Гостям вменялось в обязанность изо всех сил хвалить картины. Те, кто недоуменно поднимал брови или презрительно кривил губы, объявлялись персонами нон грата и более никогда к Кузьминским не приглашались.

В Глафире словно сидело два человека. Один – светлая, радостная личность, любившая запечатлевать животных, другой – мрачный субъект, предпочитавший писать темными красками всякие гадости. Но Петр Фадеевич старательно делал вид, что не замечает шизофренического раздвоения личности супруги. Он сумел организовать ее выставку. Глафира продала пару полотен и почувствовала себя счастливой.

Психиатры только качали головами.

– Кто бы мог подумать, – не удержался однажды профессор Кох, наблюдавший Глафиру, – ведь процесс необратимый, а ваша жена прямо переродилась.

Услыхав эти недоуменные слова светила, суеверный Петр Фадеевич сплюнул и перекрестился: он очень боялся, что супругу сглазят.

В течение пяти лет Глафира казалась совершенно нормальной, может, чуть слишком экзальтированной дамой, но потом неожиданно случилось несчастье. Ровно полгода Глафира писала свой портрет, однажды утром она мрачно сообщила мужу:

– Картина закончена.

– Ну-ка, – засуетился Петр Фадеевич, – покажи мне ее скорей!

Жена провела его к себе. Петр Фадеевич принялся нахваливать автопортрет супруги в роскошном сером платье. Когда фонтан восторженных слов иссяк, художница сурово заявила:

– Теперь я вижу: вещь недописана!

– Что ты, душечка, – залебезил несчастный Петр Фадеевич, – потрясающее полотно, лучшая твоя работа, многие умерли, не создав ничего подобного.

– Значит, полагаешь, я могу со спокойной душой сойти в могилу? – криво усмехнулась жена.

– Ну и ерунда взбрела тебе в голову! – испугался муж.

Внезапно Глафира встала, схватила кисть, окунула ее в алую краску и поставила на холст пятно.

– Что ты делаешь! – воскликнул Петр Фадеевич. – Надо немедленно стереть!

– Пусть будет так! – отчеканила Глафира. – Теперь сходство полное!

Петр Фадеевич только хлопал глазами, потом он увидел, что жена пришла в хорошее настроение, и тоже повеселел. Вечер провели чудесно, играли в карты и даже выпили вина. Петр Фадеевич лег спать счастливым человеком.

Утром он нашел жену возле злополучного автопортрета мертвой, одетой в роскошное бальное платье серого цвета с воланчиками, рюшечками и кружавчиками. Но самое странное было то, что в шее трупа, чуть повыше ключиц, там, где на портрете виднелось красное пятно, торчали ножницы. Глафира покончила с собой самым ужасным способом.

Петр Фадеевич сам едва не рехнулся, поняв, что жена задумала лишиться себя жизни вчера, в тот момент, когда решила «дописать» портрет.

Глафиру Анисимовну похоронили. Ее картины остались висеть на стенах, и Сережа вырос в полной уверенности, что его мать гениальная живописица. Сам он тоже баловался красками и до сих пор в редкие минуты отдыха становился к мольберту.

– Понятно теперь, почему в доме нет никаких картин, кроме этих? – спросила Лариса.

Я кивнул:

– В общем, да. Очевидно, у Сергея Петровича просто железные нервы!

– Отчего вы пришли к такому выводу? – изумилась экономка.

– Ну я бы не хотел повесить у себя в доме портрет с такой мрачной историей. И это жуткое пятно! Оно совершенно не потемнело от времени!

– Какое пятно? – пробормотала Лариса.

– Ну вы же сами рассказали про него! На шее, у ключицы! Смотреть и вспоминать, как твоя мать покончила с собой! Бр! Согласитесь, малоприятное занятие!

– Там нет никакого пятна! – подскочила экономка.

Я уставился на нее в недоумении:

– Но вы только что так красочно живописали семейную трагедию Кузьминских, или я чего-то не понял? Глафира Анисимовна ткнула в полотно кистью с алой краской...

– Да, – перебила меня Лариса, – именно так и обстояло дело. Только Петр Фадеевич смыл растворителем свежую метку, оставил портрет без пятна. У этой истории имеется жуткое продолжение.

– Какое? – осторожно спросил я.

– Несколько лет автопортрет жены висел в гостиной, потом на нем неожиданно опять появилась пурпурная отметина, – замогильным шепотом продолжала экономка, – в том самом месте, где прикоснулась кисточкой несчастная Глафира. Петр Фадеевич чуть не скончался от ужаса, когда увидел пятно! Он к тому времени уже был женат во второй раз! И знаете что?

– Что? – обалдело спросил я, чувствуя, как по спине отчего-то бежит дрожь.

– Его новая супруга Варвара была обнаружена на следующий день мертвая, в гостиной, около картины, – зашипела экономка, – в шее бедняжки торчали ножницы. А пятно таинственным образом пропало с полотна!

Я попытался улыбнуться. Когда-то в детстве мы с приятелями обожали страшилки. Перед глазами встал чердак дачи Тины Рой. Вот мы, стайка детей, мальчиков и девочек, бросаем велосипеды во дворе. На пороге появляется тетя Эстер и радушно зазывает всех пить чай. Наевшись вкусных плюшек, мы залезаем на чердак и начинаем рассказывать безумные истории: про торт с красной розой, из которого выскакивает рука, про перчатку, которая душит своего владельца, про куклу, убивающую хозяйку, про страшное подземелье... Заканчивалась забава всегда одинаково. С громким визгом мы неслись по шаткой лестнице вниз и налетали на тетю Эстер, укоризненно качавшую головой.

– Ну сколько можно заниматься глупостями, – сердито говорила она, – лучше съешьте шоколадный торт, Наташа его только что испекла.

Развлекались мы подобным образом лет до четырнадцати, а потом повзрослели и перестали пугаться. Но, похоже, Лариса Викторовна осталась в глубоком детстве, потому что сейчас она с самым серьезным видом вещала:

– А потом, ночью, к Петру Фадеевичу явилось привидение. Призрак Глафиры сообщил, что каждый раз, когда на портрете возникнет пятно, в дом Кузьминских явится смерть!

Я постарался не рассмеяться. Дожить до седых волос и верить в такие глупости!

– Кто же поведал вам сию ужасную историю? – не утерпел я.

– Белла, – ответила Лариса.

– И вы поверили девушке? – улыбнулся я.

– Но Сергей Петрович подтвердил, правда, весьма неохотно. Сказал: «Была у нас такая неприятная семейная история, но у кого их нет?»

Я помешал ложечкой кофейную гущу.

– Да, захватывающее повествование, только вы перепутали немного. Пятно-то на месте.

– Где? – пролепетала Лариса.

– На портрете, я только что видел.

– Не может быть, – запинаящимся голосом сказала экономка, – вчера ничего такого я не видела. Вы ошибаетесь.

– Пойдемте посмотрим? – предложил я.

Лариса Викторовна вскочила. Быстрым шагом мы подошли к лестнице, и тут сверху донесся пронзительный вопль:

– О-о-о, помогите, а-а-а!

Забыв о вежливости, я оттолкнул экономку и понесся вверх, перепрыгивая через ступеньки. Кричали в кабинете Сергея Петровича.

Я рванул дверь и обнаружил горничную, стоящую за столом. Рот ее был раскрыт, глаза вывалились из орбит, руки Катя судорожно прижимала к груди. Рядом валялись швабра и тряпка.

– Немедленно замолчи, – сурово сказал я.

Катя послушно захлопнула рот.

– Что случилось?

Горничная вновь издала звук, которому позавидовала бы паровозная сирена.

– Прекрати сейчас же, – обозлился я, – отвечай нормально, что тебя напугало? Мышь? Небось несчастная от твоего ора инфаркт заработала.

Катя ткнула пальцем в портрет:

– Там... пятно... вон! Красное!

– И что?

– Его вчера не было...

– Не было, – эхом прошелестела Лариса Викторовна и кулем свалилась к моим ногам.

Видя такой поворот событий, Катерина завизжала, словно кошка, которой случайно прищемили хвост.

Но я не растерялся. Вся моя жизнь прошла рядом с маменькой. А Николетта и ее подруги обожают закатывать истерики по любому поводу и демонстративно лишаться чувств на глазах у почтенной публики.

– И-и-и! – выводила Катя.

Я легонько шлепнул ее. Горничная захлебнулась криком.

– Не блажи, – громко сказал я, – принеси нашатырный спирт.

Катерина как ошпаренная бросилась к аптечке. Через пятнадцать минут положение слегка стабилизировалось. Лариса Викторовна сидела на диване, Катерина всхлипывала в кресле.

– Дамы, – спросил я, – из-за чего сыр-бор?

– Так смерть идет, – разрыдалась Катя, – обязательно кто-то умрет.

– Кто именно? – Я попытался привести собеседниц в чувство.

– Кого она выберет, – заявила Лариса Викторовна и ткнула дрожащей рукой в портрет. – Глафира жертву наметила!

– Ерунда, – успокаивал я истеричек, – все это неправда. Привидений и кровавых пятен, выступающих на полотнах, не бывает.

– Вот же оно, – проблеяла Катя.

– Это дурацкая шутка кого-то из членов семьи, – сердито перебил ее я, – думаю, либо Белла, либо Клара решили позабавиться идиотским образом.

– Нет, мы все умрем, – прошептала Катя. – Сегодня же уволюсь. Место хорошее, зарплата отличная, но жизнь-то дороже!

– Вот что, – принял я решение, – ну-ка, где Сергей Петрович держит краски, кисти и все такое?

– В мастерской, – хором ответили дурочки.

– И где она?

– В саду, домик стоит, – пропищала Катя.

– У Беллочки аллергия на запах краски, – обморочным голосом добавила Лариса. – Вот отец и построил себе отдельное здание.

– Немедленно принесите оттуда растворитель! – железным тоном приказал я.

Спустя примерно полчаса я осторожно стер красную отметину. Одна из моих бывших любовниц, Рада Сколкова, была художницей, и я хорошо знаю, чем можно снять свежую краску, не повредив старого слоя.

После окончания «реставрационных работ» я приказал Ларисе распахнуть балкон, а Катерине велел тщательно прибрать комнату.

Когда помещение приобрело первозданный вид, я провел женщин на кухню, усадил их перед собой и заявил:

– Вот что, любезнейшие, вы сделаете огромное одолжение Сергею Петровичу, если не станете распространяться о случившемся. Я сам все расскажу хозяину. Советую крепко держать язык за зубами, получите от Кузьминского премию. В доме и так нервная обстановка.

– Все равно уволюсь, – мотнула растрепанной головой Катя.

– Ваше дело, – кивнул я, – подобные решения следует принимать самостоятельно, захотите – уйдете, но только молча, без истерик.

– Тут всех убьют. – Катя попыталась снова заголосить.

– Заткнись, – неожиданно зло заявила Лариса, – похоже, девчонка пошутить захотела.

– Которая, на ваш взгляд? – полюбопытствовал я.

– Обе сволочи, – скривилась Катя. – Белла ко всему придирается, Клара, правда, вежливая, зато вечно работы наваливает! То ей платье погладь, то белье руками постирай, то пуговицы пришей.

– А ты хотела за так зарплату получать? – окрысилась Лариса.

– Ну... я же не обязана в свое свободное время ей колготки подавать, – возразила Катя, – взяла моду в комнату врываться, когда ей заблагорассудится, а Анна...

– Если хочешь удержаться на месте, никогда не критикуй вслух хозяев, – ледяным тоном отчеканила Лариса.

– Все равно уволюсь, – крикнула Катя.

Глава 4

Сергей Петрович явился домой около десяти вечера. Его ждали с ужином. Белла, Клара, Анна и Валерий занимались своими делами в комнатах и, несмотря на поздний час, не собирались трапезничать. Очевидно, тут было заведено садиться к столу вместе с хозяином.

Кузьминский, тяжело дыша, поднялся на второй этаж. Я подождал минут пятнадцать и поскребся к нему в дверь.

– Да, входи, – раздалось из кабинета.

Я вошел и обнаружил Сергея Петровича уже в халате, с сигарой.

– Ваня? Я думал, Беллочка просится, – сказал он, – впрочем, она никогда не стучится, влетает словно оглашенная! Ну, как день прошел? Освоился?

Я быстро ввел его в курс дела. Кузьминский подошел к портрету, потрогал пальцем шею изображенной на нем дамы и сердито воскликнул:

– Это же просто безобразие! Мне придется ее наказать!

– Кого? – удивился я.

Сергей Петрович вышвырнул сигару в открытое окно.

– Мы с Ритой долго не имели детей, жена перенесла пять выкидышей подряд. Беллочка появилась на свет, когда мне было уже за сорок. Конечно, мы сами

виноваты, избаловали девчонку, но я все время думаю: дочь растет без матери. Поэтому и Ольгу сюда не привожу.

Очевидно, на моем лице отразилось недоумение, потому что Сергей Петрович неожиданно сказал:

– Ты чего стоишь словно фонарь?

Я не ожидал услышать от него ничего подобного, поэтому от растерянности ляпнул:

– Вы же не предложили мне сесть. Сами стоите, мне просто неудобно садиться.

– Ты сделаешь мне большое одолжение, если перестанешь разводить китайские церемонии, – сердито буркнул хозяин и опустился на диван.

Я покорно устроился в большом кресле. Отчего-то большинство людей, встретив по-настоящему воспитанного человека, начинают тут же считать его занудой. К сожалению, в современном понимании воспитание – это привычка здороваться со знакомыми и неупотребление ненормативной лексики с трибуны. На самом деле существует много нюансов, которые отличают человека из интеллигентной семьи от остальных. Ну, к примеру, он всегда встанет, если в комнату входит дама или некая особа старше его по возрасту. Садиться на диван, когда стоит хозяин, не принято. Нельзя первым протягивать руку женщине и крайне неприлично перебивать собеседника...

– В нашей семье, – голосом школьного учителя сообщил Кузьминский, – и впрямь существует легенда о пятне. Но никакой мистики в ней нет. Просто бедному отцу очень не повезло в жизни. Моя мать Глафира была удивительно талантливым, но тяжело больным человеком. Шизофрения страшная штука.

Конечно, ужасно потерять рассудок, но еще страшнее жить рядом с такой личностью. Петр Фадеевич, на мой взгляд, был просто святым. Когда Глафира покончила с собой, отец выдержал траур и женился на Варваре, молодой вдове с ребенком. Он думал, что у них получится хорошая семья. Варя, одна воспитывавшая дочку Лисочку, нуждалась в средствах, а Петр Фадеевич был обеспеченным человеком и желал, чтобы я не остался без матери. Отцом руководил хитрый расчет. Своих детей он больше заводить не хотел, всю любовь

отдал мне. Будущая супруга должна, по его мнению, иметь дочь, так как девочка не соперница сыну. Два ребенка мужского пола начнут драться, выяснять отношения...

Все вышло так, как задумал Кузьминский. Сергею исполнилось на момент смерти мамы двенадцать лет. В пятнадцать у него появилась мачеха. Дочери Лисочке было десять. Варвара оказалась милой женщиной, искренне полюбившей пасынка. Она пыталась, как могла, заменить ему мать. Было лишь одно «но». Через некоторое время после свадьбы выяснилось, что Варя тоже больна шизофренией.

Когда Петр Фадеевич узнал, какой диагноз ставят его второй жене, он побледнел и заперся в спальне. Видно, зря считают, что снаряд в одну воронку дважды не попадает.

Неизвестно, как бы развивались события в семье Кузьминских, но Варвара покончила с собой перед портретом Глафиры и тем же способом, что и первая супруга Петра Фадеевича. Она воткнула себе в шею ножницы. Дикий способ уйти из жизни, который мог прийти в голову лишь человеку с затуманенным рассудком.

Петр Фадеевич страшно переживал случившееся и переехал в новый дом, но его домработница, болтливая Степанида, сочинила историю о проклятии Глафиры. Вот с тех пор и начинается отсчет семейная «легенда». Кузьминский, услышав пересуды соседей, мигом уволил Степаниду, а та, то ли желая отомстить хозяину, то ли попросту обладая буйной фантазией, стала сплетничать еще пуще. Положение усугублялось тем, что бывшая прислуга проживала в одном доме с Петром Фадеевичем, и скоро бедняга не мог спокойно выйти на улицу. Едва он появлялся из подъезда, как все, кто сидел на скамеечках, замирали и поедали вдовца взглядами. Каких только глупостей не придумывали люди! Петр Фадеевич представал во всех рассказах просто Синей Бородой. Людская молва приписала ему не то восемь, не то девять жен.

– Он уже пятерых похоронил, – шептали старухи, – а потом к нам въехал.

– У них по дому привидение бродит, – захлебывались молодые матери, покачивая коляски.

– Варвару-то Глафира убила, – бубнила Степанида. – Она по дому бродила, я сама видела ее сто раз в сером платье!

– И от девчонки он избавился, – подхватывала дворничиха.

Последнее заявление было правдой. Петр Фадеевич сдал Лисочку в детский дом, но не надо его за это осуждать, он просто не в состоянии был справиться с двумя детьми.

Лисочка осталась в памяти Сергея капризной, вечно ноющей девочкой, избалованной матерью. Сережа даже не знал ее настоящего имени. Варя звала дочку Лисочкой, наверное, из-за слегка удлинённых к вискам глаз и остренького носика, делавших девочку похожей на лисичку.

Сергей с малышкой не дружил, дальнейшей судьбой ее не интересовался. Петр Фадеевич никогда не навещал падчерицу в приюте, и после его смерти Сережа не сделал ни одной попытки увидеться с Лисочкой. Она была ему чужой.

Спустя два года после кончины Варвары Кузьминский решил еще раз устроить свою семейную жизнь и привел в дом молодую, смешливую Соню. Дом замер, предвкушая новое несчастье.

Софья прожила в квартире Кузьминских полгода, но потом, покидав вещи в саквояж, исчезла. Петр Фадеевич ходил чернее тучи. Перед расставанием его избранница объяснила свое поведение.

– Уж извини, – говорила она, утрамбовывая шмотки в не желавшем застегиваться чемодане, – только я не хочу на тот свет вслед за всеми твоими женами отъехать.

– Ты наслушалась глупостей от баб во дворе, – попытался вразумить ее Кузьминский. – Я давно подумываю о смене квартиры.

Соня подняла красное лицо.

– Разве это не правда?

– Господи, – возмутился Петр Фадеевич, – да полная чушь, конечно. Никакого проклятия Глафиры не существует!

– Но она покончила с собой! – возразила Соня.

– Глаша болела шизофренией!

– А остальные?

– У меня было всего две жены! – закричал Петр Фадеевич. – Не пять, не семь, не девять, только две!

– И что стряслось с последней? – тихо поинтересовалась невеста.

– Ты же знаешь! Она тоже лишилась рассудка и убила себя.

– Ага, – кивнула Соня, – здорово вышло. Так вот, я не хочу стать следующей. В твоей квартире поселилась зараза.

– Послушай, – устало возразил Кузьминский, – шизофрения не чума, она не передается воздушно-капельным путем.

– А вот и неправда, – возразила Соня и села на чемодан, – я тоже начинаю заболевать! Знаешь, кого я вчера увидела? Глафиру!

– Не пори чушь, – вскипел Петр Фадеевич, – несчастная давно истлела!

– А дух-то бродит, – не успокаивалась Соня, пытаясь справиться с замками. – Просыпаюсь ночью – стоит надо мной, в сером платье с кружавчиками, лицо закрыто сеткой, в руках ножницы длинные. Я от страха чуть не обделалась.

– Что же меня не позвала?

– Так голос пропал, – пояснила Соня, хватая чемодан. – Лежу, рот словно рыба разеваю, а она потрясла ножницами и прошипела: «Убирайся из моего дома, пока я тебя не заколола». Вот я и решила, лучше быть незамужней, но живой...

Вскоре Петр Фадеевич умер, Сергей поступил в университет, женился, а затем съехал в другое место.

– Зачем же вы рассказали дочери эту историю? – удивился я.

– Маргарита разболтала, ее мать. Мы все детство в одном дворе провели, она все знала. Рита не позволяла картины мамы вешать, и у нее просто начиналась истерика, когда я брал в руки краски. Кстати, это и послужило одной из причин нашего разрыва.

– А мне говорили, будто она ушла от вас, когда поняла, что вы обанкротились.

– Нет, – сердито оборвал меня Кузьминский, – Рита целый год сидела со мной на хлебе и воде. Я сам дурак. Постоянно срывался на нее, орал, упрекал в своих неудачах, она и не выдержала, выбросила мои полотна, поломала мольберт, кисти... На том и разошлись, теперь живем порознь. У нее есть любовник, Павлик, а у меня Ольга. Только сдается мне, лучше было бы нам опять сойтись, из-за дочери. Беллочка обожает мать, Олю она никогда не примет.

Не успел он договорить, как дверь кабинета приоткрылась и в кабинет заглянула Белла:

– Папа! Мы будем наконец ужинать? Я сейчас от голода умру.

– Пошли, Ваня, – велел Кузьминский.

Мы спустились вниз и сели за стол. Лариса Викторовна внесла блюдо с дымящимся мясом.

– Почему ты подаешь еду? – нахмурился глава семьи. – Где Катя?

Экономка растерянно глянула на него:

– Она... э... увольняется!

– Глупости, – рявкнул Кузьминский, – вели ей через час явиться ко мне в кабинет.

Видя, что хозяин дома обозлился, все уткнулись в тарелки, даже Белла и Клара не ссорились. Минут пять в столовой царила тишина, нарушаемая лишь звяканьем ножей и вилок, потом Сергей Петрович резко сказал:

– Ваня! Завтра с утра поедешь в магазин и купишь машинку для пересчета денег, моя сломалась. Я сегодня привез домой некую сумму, хочу точно знать, сколько там.

– Давайте вручную посчитаю. – Я решил подыграть Кузьминскому.

Сергей Петрович усмехнулся:

– Всю ночь потратишь, там миллион долларов с копейками.

– Сколько? – невольно спросил я, пораженный размером суммы.

– Примерно миллион, – спокойно повторил Кузьминский, – черный нал, не слишком удачный месяц был, обычно больше получается.

– Папа, передай мне масло, – вклинилась Белла.

– Мясо не дожарено, – заявила Анна, – кровь вытекает.

– Перестань, меня стошнит, – вскинулась Белла, – какая гадость!

– Ешь капусту, – усмехнулась Клара, – тебе полезно, жир потеряешь.

Я тяжело вздохнул. Ну вот, сейчас скандал наберет обороты, но тут неожиданно послышался мелодичный звонок.

Лариса пошла в холл. Через пару секунд оттуда раздались голоса, и в столовую вошла пара – женщина лет сорока и парень, едва ли справивший тридцатилетие.

– Мама, – закричала Белла, вскакивая на ноги, – ты!

– Я, – ответила дама и рухнула в кресло. – Павел, принеси мне коньяку.

– Чем обязан? – хмуро спросил Кузьминский. – Только не говорите мне, что ехали мимо и решили заглянуть на огонек.

– Господи, Сережа, – пробормотала Рита, – у нас несчастье.

– Что случилось? – испуганно осведомился брошенный супруг.

Маргарита схватила фужер, поднесенный любовником, опустошила его и сообщила:

– Мы взорвались.

– В каком смысле? – оторопел Кузьминский. – Прогорели? Агентство не дает прибыли?

– В прямом, – выкрикнула Маргарита. – Павел, налей мне коньяку!

– Тебе не следует много пить, – подала голос Анна, – не советую.

– Кажется, я не просила совета, – отчеканила Марго, – разреши напомнить, что в этом доме официальной хозяйкой являюсь я, хотя тебе и очень хочется занять мое место.

Анна вспыхнула.

– Очень интересная позиция, – не сдалась она, – живешь бог знаешь с кем, а потом сваливаешься на голову и вспоминаешь, что на бумаге являешься женой Сергея.

– Не смей делать замечаний моей маме, – заорала Белла.

– А ты не одергивай мою маму, – подскочила Клара.

– Дура!

– Идиотка!

Сжав кулаки, девицы уставились друг на друга. Не обращая на них никакого внимания, Маргарита взяла пузатый фужер с коньяком, залпом осушила его и констатировала:

– Гадость. Отчего ты, Серж, экономишь на спиртном?

Анна, красная то ли от жары, стоявшей в комнате, то ли от гнева, рвала на мелкие части бумажную салфетку. Валерий абсолютно спокойно подбирал хлебом подливку с тарелки.

Интересно, у них каждая трапеза заканчивается скандалом и как поступит сейчас Кузьминский?

– Так кто кого подорвал? – спросил Сергей Петрович.

– Надо мной квартиру занимал некий Воробьев, – слегка заплетающимся языком начала рассказ Маргарита, – нормальный, тихий дядечка, без закидонов. Никаких проблем не было. Так понесло его в загранку работать, кажется, в Америку подался, а может, в Германию, жилплощадь сдал каким-то идиотам. Ну и сегодня днем под входную дверь этим то ли бандитам, то ли не знаю кому подложили бомбу. Хорошо, мы с Пашей в театре были. Почти весь стояк вылетел.

– Ну, пожалуй, не весь, – пробасил Павел, – всего четыре квартиры.

– И наша в том числе, – вздохнула Рита. – Вот, остались голые!

Я посмотрел на пудовые серьги с бриллиантами, оттягивающие уши несчастной бездомной, на несколько колечек с крупными изумрудами и быстро прикинул в уме их стоимость. Пожалуй, на новую квартиру ей хватит.

– Ужасно, – воскликнул Сергей Петрович. – Лариса, немедленно приготовь две спальни. Риточка, садись к столу. Представляю, что ты пережила!

– Мы вполне можем обойтись с Пашей одной комнатой, – заявила та, вставая из кресла.

Сергей Петрович нахмурился.

– Ни стыда ни совести, – прошипела Анна, – это при живом-то муже.

Кузьминский перевел тяжелый взгляд на нее и холодным тоном велел:

– Ешь рыбу.

– Но у меня мясо, – вякнула Анна.

– Значит, жуй телятину, – отбрил Сергей Петрович, – и не лезь куда не просят.

– Вот, – Анна вскочила на ноги, – вот так всегда! Я стараюсь, веду дом, а стоит этой появиться, и ты меня унижаешь. За что? За что?!

Продолжая монотонно повторять вопрос, она вылетела из-за стола и, всхлипывая, убежала в коридор. За ней с воплем: «Мама!» – понеслась Клара. Валерий спокойно пил чай, а Белла, довольно ухмыляясь, жевала пятую по счету плюшку.

– Я не знала, – скривилась Маргарита, – что ваши отношения с Анной зашли так далеко – она, оказывается, позволяет себе закатывать истерики!

Понимая, что сейчас скандал наберет новые обороты, я встал и тихо сказал:

– Наверное, мне следует пойти заняться деньгами.

– Ступай, Ваня, – кивнул хозяин, – велю подать тебе чай в мой кабинет.

Глава 5

Около полуночи Сергей Петрович зашел в мою комнату и устало сказал:

– Ваня, я иду спать, занимай наблюдательную позицию.

– Где? – спросил я. – Мне залезть в шкаф?

Кузьминский покачал головой:

– Нет, этого не потребуется, смотри.

С этими словами он подошел к двери и поманил меня пальцем. Я прошел в его кабинет.

– Вот здесь, – сообщил хозяин, – за занавеской, есть небольшая ниша, там стоит кресло, устраивайся поудобней и жди. Единственное – тебе придется поскучать. Книгу почитать ты не сможешь, лампу зажигать нельзя.

– Но как же я разгляжу вора?

– Я всегда оставляю в кабинете гореть торшер, – спокойно объяснил Кузьминский.

– Мне схватить грабителя за руку? Поднять шум?

– Нет, – ответил Сергей Петрович, – просто понаблюдай за процессом, а потом расскажи мне. Ну, смотри не засни!

Широко улыбнувшись, он ушел. Я сел в кресло и попытался развлечь себя составлением стихов. Обычно рифмы легко приходят мне в голову, но сегодня не тот день. Любовь-кровь-морковь. Вишня-черешня. Чашка-пташка. Поняв, что муза улетела далеко прочь, я сосредоточился на мыслях о своей любовнице Жанне.

Жаль, конечно, что не увижу ее сегодня. Жанночка милая девочка, красивая и далеко не глупая. Одна беда – у нее очень ревнивый муж, и наши свидания каждый раз проходят в суете. Жанна очень боится, что Григорий поймает ее на адультере и выгонит вон из дому. А терять Жанне есть что. Григорий весьма богат, пожалуй, так же, как Кузьминский. Во всяком случае, фотографии ее дома, которые она мне показывала, сильно напоминают особняк Сергея

Петровича. Жанна ездит на «Мерседесе» и сумму в тысячу долларов считает чем-то несущественным. Григорий бывший военный, разбогател он на торговле бензином, друзья у него такие же.

Раз в неделю Гриша зазывает в свою баню приятелей, где компания оттягивается от души под водку, пиво, креветки и песни Олега Газманова. А Жанна закончила консерваторию, теперь она учится в Литературном институте. Супруг, который искренне считает, что соль бывает только в солонке, а скрипичный ключ – это инструмент, которым чинят скрипку, раздражает ее ужасно. Но у нее тяжелобольная мама, брат-школьник и ни копейки собственных средств, а Григорий, хоть и не способен отличить ямб от хорея, беспрекословно оплачивает все ее счета.

Во мне Жанна обнаружила родственную душу, пару раз она с тоской говорила:

– Вот бы нам пожениться.

Но я далеко не так обеспечен, как Григорий, а она не способна жить на медные гроши. Поэтому мы встречаемся украдкой, в основном когда Григорий отбывает в Сибирь – он часто мотается туда по служебным делам. Кстати, я очень рад, что Жанна корыстна, в мои планы женитьба не входит, меня вполне устраивает необременительная роль любовника.

Мысленно раздев Жанночку, я зевнул, потянулся и... вздрогнул от дикого крика, вернее, визга. Звук набирал силу, налетая на стены и отражаясь от них.

– А-а-а-а...

Застучали двери, зашаркали ноги, зазвучали голоса:

– Что случилось?

– Кто орет?

– Господи, и ночью покоя нет!

Я встал, прошел в свою комнату и выглянул в коридор. Все члены семьи Кузьминского сбегали по лестнице вниз. Впереди неслась Белла, размахивая какой-то серой тряпкой.

Я присоединился к толпе. Мы добежали до белой двери, из-за которой несся вопль. Белла пнула ногой филенку, и я увидел Ларису Викторовну в балахонистой серо-розовой ночной рубашке. Увидав хозяев в исподнем, экономка захлебнулась визгом.

– Немедленно объяснись! – железным тоном потребовала Анна.

– Там, там, – забормотала Лариса, тыча пальцем в занавешенное окно, – там...

Анна быстро подошла к окну, распахнула створки и высунулась наружу. В комнату ворвался свежий воздух. На дворе в разгаре июнь, днем термометр показывает больше двадцати градусов тепла, по ночам же на улице прохладно.

– Что там? – обозлилась Анна, закрывая окно.

– Там...

– Кто?! – рявкнул Сергей Петрович, забыв про манеры. – Говори, не мямли.

– Глафира, – выдавила наконец из себя экономка.

Повисло молчание, потом Анна холодно процедила:

– Ты с ума сошла!

– Вовсе нет, – стала оправдываться Лариса, – я уже легла, почти заснула. Вдруг слышу – кто-то так тихонечко в стекло стучит. Сначала подумала, что мне мерещится, а потом застучали громче, громче.

Лариса встала, отодвинула занавеску, глянула в окно и приросла ногами к полу.

В саду, под мирно горящим фонарем, маячила фигура в сером платье с воланчиками, кружевами и бантиками. Лицо было скрыто под густой вуалью.

Лариса Викторовна настолько испугалась, что не сумела выдать из себя ни звука. Глафира покачалась перед окном, потом подняла правую руку. Сверкнули длинные острые ножницы.

Лариса завопила...

– Чушь собачья, – ледяным тоном заявил Сергей Петрович, – в саду никого нет.

И тут раздался довольно громкий стук в стекло.

– Мама! – взвизгнула Клара и задрожала.

Анна, сильно побледнев, спряталась за меня. Кузьминский, сжав губы, решительно подошел к подоконнику, снова распахнул окно и громко сказал:

– Это ветка. Качается от ветра и задевает стекло.

Лариса Викторовна рухнула на кровать и заколотилась в рыданиях.

– Хватит, – поморщился хозяин.

– Дайте ей коньячку, – посоветовала Маргарита.

– Ты считаешь спиртное панацеей, – Анна не упустила случая уколоть сестру, – сейчас сбегая за валокордином.

– Коньяк – лучшее средство от всех печалей, – заявила Маргарита, обнимая Беллу.

– Тебе видней, – ядовито заметила Анна, – кто у нас в наркологической клинике валялся.

С этими словами она ушла.

– Я лежала в кризисном диспансере, – возмутилась Маргарита, – лечилась от нервного переутомления!

Было очевидно, что сестры не способны провести вместе и десяти минут, чтобы не поссориться. Но сейчас я даже радовался такому повороту событий: пусть уж лучше ругаются, чем орут от страха.

– Ладно, – устало подвел итог Кузьминский, – пора спать.

Нестройная цепочка домочадцев потянулась к лестнице.

– Все-таки глотни «Хеннеси», – посоветовала напоследок Маргарита.

Лариса Викторовна громко шмыгнула носом и ничего не ответила.

Я пошел было в кабинет, но меня остановил Сергей Петрович:

– Иди спать, Ваня.

– А как же вор?

– Он сегодня, наверное, не придет.

– Может, лучше покараулить?

– Нет, завтра.

Я не стал спорить. В конце концов, Сергей Петрович платит мне деньги, следовательно, ему и заказывать музыку.

Я прошел в свою комнату и рухнул в койку. Ноги были свинцово-тяжелыми, голова гудела, словно пивной котел. Никогда раньше я так не уставал, хотя, если вдуматься, сегодня ничего особо трудного не делал. Весь день просидел, читая газеты и журналы, изображал работу. У Норы мне порой не удается даже вздохнуть, хозяйка заставляет меня мотаться двадцать часов кряду по городу. Но все равно такой усталости не бывало.

Я закрыл глаза и почувствовал, что кровать вращается. Пришлось распахнуть глаза. Отвратительное ощущение головокружения исчезло. Наверное, дело не в количестве проделанной работы, а в атмосфере, которая царит в доме. У Норы, несмотря на ее вздорный характер, светлая аура. А у Кузьминских на вас что-то давит – черное, неприятное, какое-то предчувствие беды, скорого несчастья.

Я повернулся на правый бок и попытался заснуть. Да вы, Иван Павлович, оказывается, истерик. Эк вас занесло: предчувствие беды, скорого несчастья. Как бы не начать по-бабски визжать. Мои веки опустились, и я погрузился в сон.

Я счастливый человек, мне никогда не снятся кошмары. Вот маменька очень любит позвонить и начать повествовать, как всю ночь убегала от чудовища или падала с пятидесятиэтажного небоскреба. Я же сплю, аки тюфяк, по большей части без всяких сновидений, но сегодня приснилась какая-то чертовщина...

Сначала я очутился посреди большого поля, усеянного мелкими желтыми цветочками. У меня ботанический кретинизм, с трудом могу отличить березу от дуба, поэтому название растения, хоть убейте, не назову. Потом прямо передо мной возникла темно-серая фигура без лица и голосом Кузьминского заявила:

– Вава, ты голый!

Я собрался деликатно намекнуть нашему с Норой клиенту, что не переношу фамильярного обращения «Вава» и впредь прошу меня так не называть, но тут вдруг сообразил, что стою абсолютно обнаженный, и покрылся от стыда гусиной кожей.

Видение сначала захохотало, потом заухало, завизжало почти в диапазоне ультразвука.

В ту же секунду я проснулся, резко сел и потряс головой, ощущая, как бешено колотится сердце. В комнате было светло, часы показывали ровно шесть. Ну и чушь привиделась мне, интересно, как бы истолковал ее дедушка Фрейд? Небось завел бы песню о неудовлетворенных желаниях. И как быстро закончилась ночь! Только-только закрыл веки, как уже утро. Я хотел откинуться на подушку, но тут из коридора вновь долетел крик.

Я машинально схватил халат, недоумевая: «Это что, все еще сон?»

Ноги вынесли меня в коридор. Звук доносился из кабинета Сергея Петровича. Я вбежал туда, увидел Ларису, жавшуюся между книжными шкафами, и обозлился:

– Да что же вы все время орете? Что за скверная привычка!

Лариса, дергаясь, словно мышь, попавшая под ток, вытянула вперед дрожащую руку:

– Там!

– Прекратите.

– Посмотрите!

– Что?

– Там!

Я окинул взглядом кабинет и устало сказал:

– Это пылесос. Вы его испугались? Действительно, очень страшная штука, когда гудит, но сейчас-то он выключен!

– За столом, – продолжала заикаться Лариса, – там... Глафира...

Надеюсь, вы не осудите меня, когда узнаете, что я испытал сильнейшее желание надавать истеричке пощечин?

– Лариса, – сурово сказал я, – мне кажется, вам следует обратиться к доктору. Сейчас много средств, замечательно успокаивающих больные нервы. Хотя бы «Новопассит»!

– Она там, – еле выдавила из себя Лариса.

– Кто? Глафира? – усмехнулся я.

– Да, – прошептала экономка, – да, гляньте...

Чувствуя себя полным идиотом, я обогнул огромный письменный стол, больше похожий на аэродром, с которого взмывают в небо стратегические бомбардировщики, и уже собирался сказать: «Глупости, никого тут нет», как взгляд упал на полную женскую ногу, обутую в уже не новый башмак черного цвета.

От неожиданности у меня вырвался абсолютно бабий вскрик. Услыхав его, Лариса зажмурилась, выставила вперед руки, растопырила пальцы и завизжала.

Я в ужасе осмотрел тело. Коричневая юбка, серая футболка с красным воротником, руки, раскинутые в разные стороны, длинные перепутанные каштановые волосы, лицо с широко открытыми глазами... Катя! Горничная! В ту же секунду до меня дошло, что красный воротничок – это на самом деле кровь, а из основания шеи, около ключицы, торчит что-то ярко блестящее.

Стараясь сохранить относительное спокойствие, я шагнул назад и успел подхватить падающую без чувств Ларису.

В кабинет ворвались Анна и Белла, за ними вошел Сергей Петрович. Поднялась суматоха. Женщины заметались по дому. Маргарита припала к бутылке с коньяком, Анна схватилась за валокордин. Клара и Белла рыдали в голос, Павел, очень бледный, твердил:

– Ой, как плохо, просто ужас, сейчас ментов понаедет!

Я похлопывал по щекам закатившую глаза Ларису. Сергей Петрович с кем-то разговаривал по телефону, один Валерий не появился в кабинете – очевидно, он мирно спал, решив, что домашние разберутся без него.

Часа через полтора прибыла милиция, да не простые парни на раздолбанном «уазике», а высокое начальство на иномарке со спецсигналом и красивый минивэн, набитый вежливыми ребятами в костюмах.

Сталкивались ли вы когда-нибудь с правоохранительными органами? Если нет, то от души желаю никогда не иметь с ними дела. Потому что, даже если представители МВД вежливы и ни в чем плохом вас не подозревают, стоит им войти в дом, как мирное, уютное жилище мгновенно превращается в кошмар. Дом Кузьминских не стал исключением. В кабинете начала работу следственная бригада, в столовой Сергей Петрович угощал приехавшего генерала чаем, в гостиной устроились трое мужиков, допрашивающих домочадцев, еще двое парней бродили по зданию, абсолютно бесцеремонно распахивая все шкафы и заглядывая в каждую щель.

Я бесцельно маялся в спальне. Через час прибыл еще один минивэн. Я увидел в окно, как из него высыпала группа людей, и покачал головой: ну и незадача.

Впереди всех шел довольно полный лохматый мужик – мой лучший друг Максим. Прежде чем выйти из комнаты и протянуть ему руку с приветствием, следовало обдумать свое поведение.

Дело в том, что, вызвав милицию, Сергей Петрович подошел ко мне и шепотом предупредил:

– Ваня, очень прошу, ни слова о пропавших деньгах. Говори всем, что я нанял тебя для составления генеалогического древа. Исчезнувшие баксы – чисто внутреннее дело нашей семьи.

Я кивнул, потому что хорошо понимаю Кузьминского. Кто бы ни присвоил деньги, он его родственник, и Сергей Петрович сам разберется с нечистым на руку членом клана.

Но Макс слишком хорошо меня знает, я же не умею врать.

Как и следовало ожидать, приятель ни на секунду не поверил моему рассказу.

– Значит, – прищурился он, – Элеонора временно одолжила тебя Кузьминскому?

– Да, – осторожно кивнул я.

– Чтобы ты написал родословную его семьи?

– Ну, в общем, так.

– Почему Кузьминский обратился именно к вам, – не успокаивался Макс, – есть же профессионалы, историки?..

– Об этом лучше спросить у Сергея Петровича, – нашелся я, – сам знаешь, я – личность подневольная, что приказали, то и делаю.

– Значит, Нора решила временно остаться без своих запасных рук и ног, – протянул Макс, – чтобы оказать дружескую услугу Кузьминскому. Да, это очень на нее похоже!

Приятель ухмыльнулся. Я постарался сохранить серьезное выражение лица.

– Ты врун, – заявил Макс, – ну да ладно, думаю, потом озвучишь истинную причину твоего появления в доме. Очевидно, Кузьминский – ваш новый клиент. И что у него стряслось? Кто-то из домашних тырит деньги из сейфа?

Я еще раз поразился профессионализму Макса: надо же, сразу выдвинул верное предположение.

– Так как? – улыбался Воронов. – Я угадал?

Но тут, на мое счастье, появился следователь и сказал:

– Иван Павлович, ответьте на пару вопросов.

С огромной радостью я порысил в гостиную, сунув по дороге нос в кабинет. Тело уже увезли. На полу остались очерченный мелом абрис и пара темно-красных пятен. Кузьминскому придется менять паркет, если он не хочет каждый день спотыкаться о то место, где были кровавые лужи.

Я начал давать показания: пришел на крик, увидел тело, в шее торчали ножницы, как у несчастной Глафиры...

– Это кто такая? – искренне удивился оперативник.

Я поразился в свою очередь: неужели никто до меня не удосужился озвучить дурацкую «легенду»? Придется вводить милиционера в курс дела. Парень слушал внимательно, я говорил и говорил, потом ткнул рукой в портрет:

– Вот Глафира.

– Мама! – по-детски воскликнул мент.

– Я испугал вас?

Милиционер уставился на полотно, я тоже посмотрел на него и второй раз в жизни заорал от неожиданности.

На шее дамы в районе ключиц ярко краснело круглое пятно.

Глава 6

Сами понимаете, что этот день превратился в сущий ад. Никто из членов семьи не уехал в город. Белла и Клара прогуляли занятия. Сергей Петрович бросил служебные дела. Маргарита, Павел и Анна сидели на втором этаже в холле. Впрочем, законная супруга Кузьминского скоро так накушалась коньяка, что всхрапнула на диване.

В районе семи вечера зазвонил мой мобильный. Я взглянул на определитель: Жанна.

– Ванечка, – защебетала она в трубку, – приезжай ко мне на городскую квартиру, Григорий улетел в Тюмень.

Она могла бы и не уточнять место встречи. Все свидания у нас происходят в здании у метро «Октябрьское Поле». В загородном особняке Кукина – это фамилия Гриши – я никогда не был. В доме полно любопытной прислуги, которая не преминет настучать хозяину о визите любовника. Городская квартира Кукиными практически не используется, изредка Григорий остается тут переночевать. Эту жилплощадь он приобрел еще в прошлой, более чем

небогатой жизни. Квартира расположена в самой простой, блочной девятиэтажке, вход в которую никто не стережет. Одним словом, это идеальное место для неверной супруги, приводи хоть легион стриптизеров, никто ничего не заметит.

Я посмотрел на ходики. Если смоюсь на пару часиков, ничего не случится. Милиция уехала, и домочадцы зализывают раны. Сергей Петрович заперся в спальне, Маргарита спит пьяным сном, Анна и Валерий затаились в своих комнатах... Впрочем, я подчиняюсь только Кузьминскому, а он, уходя к себе, буркнул:

– Отдыхай, Ваня, завтра побеседуем.

А уж как проводить свободное время, это, согласитесь, мое личное дело.

В районе девяти вечера, вооруженный бутылкой шампанского, коробкой конфет и букетом цветов, я позвонил в знакомую дверь. Жанна открыла и, хихикая, втянула меня внутрь. На ней был полупрозрачный пеньюар, сквозь который просвечивало черное кружевное белье.

– Может, сразу в спальню? – прошептала она, прижимаясь ко мне.

Сами понимаете, что я не стал сопротивляться, и мы, минуя гостиную, прошли в комнату, главным украшением которой служила огромная кровать производства Испании.

Жанна рухнула на нее и приняла соблазнительную позу, я мгновенно вылез из одежды и аккуратно повесил ее на стул.

– Ваня, – капризно протянула любовница, – ты жуткий зануда! Видел, как в кино показывают? Она его зовет, а он рвет на себе рубашку, швыряет брюки...

Я усмехнулся. Иди потом домой без пуговиц и в измятом костюме, секундное дело пристроить одежду аккуратно.

– Ваня, – капризничала Жанна, – хочу шампанского! С хлопком, ну же!

Я покорно взял бутылку. Ну отчего женщины, вместо того чтобы сразу заняться любовью, начинают вести себя, словно избалованные пятиклассницы. Сейчас мы будем пить шипучку, от которой у меня неизбежно возникает изжога, потом закусывать ее липкими конфетами. Затем Жанна поставит эротическую, на ее взгляд, музыку, прикроет торшер розовым платком и медленно выскользнет из пеньюара. Слава богу, что пока у меня нет проблем с потенцией, иначе дама, проделав весь нудный ритуал обольщения, могла бы остаться весьма разочарованной конечным результатом.

Хорошо, что мне удалось отучить ее пользоваться индийскими благовониями, а то Жанна постоянно норовила зажечь дымящиеся коричневые палочки, распространяющие удушливую вонь.

Но хуже всего приходится после любовной игры. Во-первых, на меня сразу нападает голод, очень хочется чего-нибудь простого: котлету, сосиску, на худой конец бутерброд с колбасой. Но ничего подобного Жанна в холодильнике не держит, а желание подкрепиться после любовных объятий считает вульгарным. А во-вторых, недополучив необходимых калорий, я начинаю стихийно засыпать. Жанна же может устроить истерику, услышав ровное сопение любовника, я должен без усталости говорить ей о своих чувствах.

Вечер покатился по проторенной дорожке. Шампанское, шоколад, слащавое мурлыканье Иглесиаса, полумрак. Наконец меня допустили к телу. Я обнял Жанночку и... раздался звонок в дверь.

– Кто бы это мог быть? – подскочила любовница.

Надев халат, она вышла в коридор, я остался в спальне. Через секунду она ворвалась назад с самым безумным видом.

– Это Григорий, скорей уходи.

Я вскочил на ноги.

– Куда?

– В шкаф, нет, туда нельзя, – заметалась Жанна, – ой, он тебя найдет, он меня выгонит, ой...

Честно говоря, я тоже немного струхнул. Григорий человек простой, особым воспитанием не обремененный, он не станет мирно пить чай на кухне с амантом своей законной супруги, просто по-мужицки выстрелит в меня, и все, прощайте, Иван Павлович.

– Сюда, – ринулась к балкону Жанна, – давай.

Я машинально повиновался и оказался на узком пространстве, совершенно голый и босой, как в том сне. Через секунду распахнулась дверь, и моя одежда, брошенная дрожащей ручкой, пролетев мимо, спланировала с седьмого этажа. За ней последовали ботинки, барсетка, шампанское, конфеты, цветы...

– Ты еще тут? – прошипела Жанна. – Беги! Скорей, не стой!

Ситуация сильно напоминала анекдот. Помните эту замечательную историю? Внезапно из командировки возвращается муж, любовник, как истинный мужчина, перекрестясь, выпрыгивает с девятого этажа, остается лежать с переломанными костями и слышит сверху голос своей возлюбленной:

– Эй, чего задержался, отползай, отползай быстрее.

Я, правда, нахожусь сейчас на седьмом, но как-то все равно меня не тянет броситься вниз.

– Давай, – шипела Жанна, – он в ванной руки моет!

– Ну куда мне деваться?

– Прыгай!

– С ума сошла!

– Ты хочешь, чтобы Григорий меня выгнал?!

– Я не желаю умирать раньше времени.

– Поторопись, Гриша любит курить на воздухе, – рявкнула моя любимая, захлопнула балконную дверь и задернула плотную штору.

Я посмотрел вниз. С детства боюсь высоты. И что прикажете делать? Стоять на балконе голым довольно холодно и опасно. Вдруг Гриша сразу схватится за сигареты? Что я ему скажу? Здравствуйте, мы водопроводчики. А если мужик оторопело поинтересуется: «Отчего голый?»

Я что, должен ответить: «Боюсь испачкать одежду, поэтому чиню унитаз на вашей лоджии обнаженным»?

Ну и какова моя дальнейшая судьба? Что останется от Ивана Павловича, когда он шмякнется об асфальт?

– Дяденька, – прозвучал хриплый голосок, – а чего ты там делаешь?

Я повернул голову. На соседнем балконе стоял мальчик лет тринадцати. Его круглые глазенки смотрели на меня с невероятным любопытством.

– Курю, – поежился я.

– Голый?

– Да.

– А где же сигарета?

– Выбросил ее, – нашелся я, – вообще баловаться табаком не советую, плохая привычка.

Внезапно мальчишечка погрозил мне пальцем:

– А не ври-ка! Ты пришел к тетке, что рядом живет, только вы разделись, как ее муж вернулся.

– Ты слишком осведомлен для своего возраста, – вздохнул я, поеживаясь.

Парнишка кивнул:

– Ага. У меня папка мамку так застукал и ушел, теперь вдвоем с ней живем. И чего вы делать собираетесь?

– Честно говоря, не знаю, – признался я, – может, ты чего придумаешь?

– Ща, – кивнул мальчик и исчез.

Я вновь остался в одиночестве и затрясся от холода. Глупо рассчитывать, что ребенок поможет мне выбраться из идиотской ситуации.

Мальчонка вернулся, таща доску.

– Вот, – радостно оповестил он, – сейчас положим ее между балконами, ты по ней и проползешь, Ваня.

– Откуда ты знаешь мое имя? – удивился я.

– Ничего я не знаю, меня Ваней зовут, – сообщил неожиданный помощник.

– Будем знакомы, Иван Павлович, – церемонно кивнул я.

– Ты не болтай, а ползи, – велел Ванечка.

Я оглядел доску, потом посмотрел вниз. Желудок сжала ледяная рука. Деревяшка довольно узкая, пропасть под балконами страшная...

– Никак боишься? – подначил Ваня.

Я кое-как лег на доску, сделал пару судорожных движений и замер. В ушах звенело, руки тряслись, ноги отнялись, да еще из доски вылезали занозы и одна за другой впивались в мои обнаженные грудь и живот. Хорошо хоть москвичи бегают по городу, уткнув глаза в тротуары или иногда оглядывая витрины.

Практически никто не смотрит в небо. Впрочем, сейчас ночь, улицы небось пусты, и никто не видит, как на высоте седьмого этажа между балконами по доске ползет голый мужик.

– Ну ты чего застрял? – возмущенно поторопил мальчик. – Давай шевелись.

Я продвинулся еще на пару миллиметров и понял: все, больше не могу.

– Чуть-чуть осталось, – приободрил Ваня.

Я кое-как потянул свинцовое тело вперед, ухватился руками за железные перильца, ограждавшие балкон, и тут доска обвалилась вниз. Я повис над пропастью.

– Подтягивайся, – заорал Ваня.

Я попытался выполнить его приказ, но ничего не получилось. Увы, я не принадлежу к племени суперменов, в спортивный зал не хожу, ничего тяжелее барсетки с документами давно не поднимаю.

– Ща, – выкрикнул мальчишка, – ща...

Он сгонял в квартиру, приволок большую льняную простыню и попытался подцепить меня, но ничего не вышло.

– Давай, – чуть не рыдал Ваня, – ну давай вместе.

Он перегнулся через перила, ухватил меня за плечи, я собрал всю силу в руках, кое-как дотянул подбородок до перилец, Ваня вцепился в мою шею...

Наконец объединенными усилиями я был втянут на его балкончик. То, что я довольно сильно стукнулся головой о плитку, падая в лоджию, казалось сущей ерундой.

Пару секунд мы, тяжело дыша, смотрели друг на друга.

– Спасибо, – отмер я, – ты спас мне жизнь.

– Ерунда, – отмахнулся Ваня, – может, и мне кто поможет, когда в такую ситуацию вляпаюсь. Пошли в комнату.

– А где твоя мама? – осторожно осведомился я.

– В ночной смене, – сообщил Ваня, – к семи утра вернется.

Я прошел в их бедно обставленную квартирку и упал в кресло. Полчаса ушло на то, чтобы унять дрожь в руках и справиться с лихорадочным возбуждением. Потом передо мной возникла во всей красе новая проблема: как ехать назад? Одежды-то нет.

– Позвони кому-нибудь, – предложил Ваня, – пусть привезут!

Я сначала схватил телефон, потом отложил трубку. Обратиться не к кому. Николетте звонить нельзя, маменька мигом растреплет всем подружкам о происшествии, Сергею Петровичу тоже не сообщишь об идиотской ситуации, а Макс будет издеваться надо мной до конца жизни.

– У вас нет каких-нибудь брюк? – спросил я. – Завтра же верну в чистом виде.

Ваня распахнул стоявший в углу допотопный гардероб:

– Выбирай!

Я поворошил вешалку. Прямо беда! Ваня еще мал, а его незнакомая мне мама имеет размеры кузнечика. Джинсы, которые она носит, будут малы даже коту. Вдруг взгляд упал на довольно длинную коричневую юбку и бордовую кофту грубой вязки. Эти шмотки были размера пятьдесят второго, не меньше, и вполне могли подойти мне.

– Это чье? – спросил я.

– Бабушкино, – пояснил Ваня, – она, когда приходит, в домашнее переодевается.

Я влез в юбку, нацепил кофту и глянул в мутное зеркало. Конечно, ужасное зрелище, но все же хоть не голый. Из-под неровно подшитого подола выглядывали мои умеренно волосатые ноги со ступнями сорок четвертого размера.

– Клево, – захихикал Ваня, – вылитая бабулька, только у нее рост поменьше будет.

Похоже, его бабушка чуть выше табуретки, ее юбка доходила мне только до середины бедер, зато кардиган неожиданно оказался впору, лишь рукава были коротки.

Поблагодарив Ваню и радуясь, что на дворе глубокая ночь, я благополучно спустился во двор, и тут передо мной возникла следующая проблема.

«Жигули» мирно стояли за углом дома, но все документы на автомобиль, вкуче с ключами, лежали в барсетке. Я вспомнил про то, как мимо меня, сжавшегося в углу балкона, пролетели брюки, пиджак, рубашка, ботинки, барсетка, шампанское, цветы, конфеты, и обозлился. Вовсе незачем было натягивать на себя шмотки чужой старухи. Следовало попросить Ваню сходить вниз и притащить костюм. Очевидно, от пережитого страха мой разум помутился.

Осторожно ступая босыми ногами по грязному тротуару, я дошел до нужного места и огляделся. Так, вот осколки бутылки, поломанные розы и пустая коробка с надписью «Россия – щедрая душа».

Больше ничего. Ни одежды, ни барсетки, ни ботинок. Очевидно, вещи унесли бомжи.

Я вернулся к автомобилю. Открыть и завести его не проблема. Специально на случай потери ключей я держу запасную связку под бампером. Ладно, ужасный, нервный день и не менее неприятная ночь, надеюсь, кончились, сейчас вернусь к Кузьминскому, тщательно вымоюсь и постараюсь обо всем забыть, вряд ли мне попадутся сотрудники ГИБДД, на дворе самое сонное время суток.

Жать босыми ногами на педали оказалось весьма неудобно, поэтому я поехал очень медленно. В голове ворочались тяжелые мысли. Вот уж не ожидал от Жанны такой черствости! Выставила меня на балкон и умыла руки, а если бы

мне не попался Ваняша? Милая любовница позаботилась только о себе, моя судьба ее совершенно не волновала, все клятвы в любви оказались ложными. Стоило столкнуться с испытанием, как сразу стало ясно: ради собственного благополучия Жанна моментально пожертвует любовником.

Я медленно ехал в сторону МКАД. Мысли потекли в ином направлении. В барсетке, которую Жанна вышвырнула с балкона, лежали все мои документы: паспорт, права, техталон на «Жигули» и, что самое неприятное, доверенность от Норы на ведение всех дел. Срок документа истекает через полгода, и как теперь объяснить хозяйке, куда я его задевал? И потом, безумное количество времени я протаскаюсь по кабинетам, восстанавливая бумаги.

Да уж, сходил повеселиться! Ну какого черта меня поволокло к Жанне? Задумавшись, я сделал то, чего никогда не делаю: проскочил на красный свет. Тут же раздалась задорная трель. На мою беду, ночью, переходящей в раннее утро, на перекрестке незнамо откуда взялся гаишник. Сами понимаете, как мне хотелось предстать перед ним в женской одежде, да еще босиком! Поэтому я остался сидеть за рулем, но патрульный не спешил к нарушителю, он тоже не собирался покидать свой автомобиль, просто рявкнул в громкоговоритель:

– Нарушитель 337 МОМ, вы заснули?

Глава 7

Чувствуя себя полным идиотом, я распахнул дверцу, вздохнул и, осторожно ступая босыми ногами, пошел по холодному, отчего-то мокрому асфальту.

Патрульный, увидав приближающуюся фигуру, очевидно, не поверил своим глазам, потому что тоже выскочил на дорогу, а потом обалдело спросил:

– Ты, то есть вы, кто? Мужик или баба?

– Иван Павлович Подушкин, – церемонно представился я, ежась от ветра.

– Ты из этих, из транс... транс... – Юноша начал заикаться на сложном слове.

– Вы имеете в виду трансвестита? – вежливо уточнил я. – Человека, который получает удовольствие, переодевшись женщиной? Вовсе нет.

– Чего тогда в юбке?

Сказать правду этому рязанскому мальчишке, стать в его глазах посмешищем? Ну уж нет.

– Разве в правилах дорожного движения имеется пункт, запрещающий сидеть за рулем в юбке?

– Нет, – покачал головой сержант, – просто странно.

– Мой дедушка был шотландец, – лихо соврал я, – вот я и ношу килт из уважения к предкам.

– Какую кильку? – не понял гаишник.

– Ну юбочка у коренных жителей Шотландии называется килт. Неужели никогда не слышали?

– Ты мне зубы не заговаривай, – посуровел страж дороги, – чего без ботинок?

– Жарко очень, ноги вспотели.

– Документики попрошу.

– Э... понимаете, я потерял их секунду назад.

Сержант нахмурился, а я горько пожалел, что сразу не рассказал ему правду, теперь он мне не поверит.

– А ну вытяни руки, – напряженным голосом велел гаишник.

Я, недоумевая, выполнил приказ. В мгновение ока на запястьях защелкнулись железки.

– Это что? – воскликнул я, пытаюсь развести руки в разные стороны.

– Браслеты, – выплюнул постовой, – а ну двигай в машину, ща в отделение скатаемся, вот пусть там и выясняют, какой такой шотландец мне попался.

Секунду я молча смотрел на постового, потом спросил:

– А моя машина?

– Полезай, – рявкнул парень, – потом поговоришь.

Я тяжело вздохнул и нырнул в нутро патрульного автомобиля. На переднем сиденье обнаружилась еще одна угрюмая личность в форме.

– Ключи, – просипела она.

– В замке зажигания, – безнадежно ответил я.

Мрачный дядька вылез, сплюнул и вразвалочку двинулся к «Жигулям».

В отделении меня усадили перед отчаянно зевающим лейтенантом.

– Ну, – пробасил он, – чего врать станем? Угнал «жигуленок»?

Я собрался с духом и произнес:

– Сейчас расскажу, как дело обстояло, только, очень прошу, не болтайте об этом.

Лейтенант усмехнулся:

– Кабы трепался, ни в жисть тут бы не усидел. Колись, голуба.

Чем дольше я говорил, тем больше он веселел. Под конец на лице мужика заиграла широкая радостная улыбка.

– Значит, Иван Павлович Подушкин, сын писателя?

– Да.

– Работаете секретарем у...

– Точно.

– А ваша любовница Жанна Кукина?

– Именно так.

– Посиди-ка тут пару минут, – велел он и встал.

Я перепугался.

– Только, бога ради, не звоните Жанне домой, там ее муж, Григорий.

– Не учи ученого, – веселился мент, уходя из кабинета.

Я остался один и привалился головой к грязной, выкрашенной синей краской стене. Вот ведь влип!

– Значитца, так, Иван Павлович, – сообщил через час лейтенант, – следуй домой, вот тебе справка, что документики сперли, обычно таких просто так не даем, но нам с ребятами тебя жалко.

– Спасибо, – обрадовался я.

– Нема за що, – улыбнулся лейтенант.

– Могу идти?

– На свободу с чистой совестью, – веселился мент.

Я добрался до двери.

– Слышь, Иван Павлович, – хихикнул лейтенант, – в другой раз, убегая, всегда хватай брюки. И еще мой тебе совет – начнешь раздеваться, клади носки в карман.

– Почему? – обернулся я.

Лейтенант ухмыльнулся.

– Коли шляешься по замужним, то и привычки должны быть соответствующие. Уж поверь моему опыту. Носки в кармане – важнейшее условие собственной безопасности. Всякое случается, одежонку похватишь и деру, а носочки-то позабудешь. Выскочишь на улицу – хоть не голыми ступнями тротуар месить. Усек?

– Усек, – кивнул я, – только, надеюсь, со мной такое произошло первый и последний раз.

– Не зарекайся, – сурово предостерег лейтенант, – жизнь штука длинная, никогда не знаешь, чего с тобой через пару минут случится.

Я вышел во двор, провожаемый веселыми взглядами ментов, толпившихся на первом этаже. Сидевший за большим стеклом с надписью «Дежурная часть» парень довольно громко засмеялся. Я кивнул ему.

– До свидания.

– Счастливого пути, – ответил дежурный, – не забывайте нас, приходите.

Я сел в «Жигули» и покатыл к Кузьминскому. Ну уж нет! Упаси меня бог от подобных приключений, лучше вы к нам заходите. С Жанной покончено. Пусть звонит, закатывает истерики, никогда больше не приду в квартиру у метро «Октябрьское Поле». Отныне завожу шашни только с незамужними дамами, еще лучше, если следующая пассия вообще окажется сиротой, без родителей,

старших братьев и дядюшек.

Остаток пути я проделал без приключений и, осторожно загнав «Жигули» под навес, подошел к двери. Естественно, она оказалась запертой. Я постоял перед ней, первый раз в жизни испытывая сильнейшее желание произнести все те слова, которые джентльмен не должен поминать даже наедине с собой. Знаете, какой основной признак истинно воспитанного человека? Сев ночью в абсолютно пустом доме филейной частью на ежа, он воскликнет:

– Господи, вот незадача! Однако не повезло мне.

Именно в таких выражениях, и никак иначе. Воспитанный человек остается таким и наедине с собой. Я всегда пытался жить по этому правилу. Но сейчас, оказавшись перед шикарной дверью из цельного массива дуба, невольно поймал себя на том, что припоминаю совсем не те слова, которые хотелось бы.

Звонить нельзя. Лариса Викторовна отворит дверь, увидит меня в юбке и заорет благим матом. Оставалось одно – влезть в окно. Уходя из дома, я оставил его открытым.

Я обогнул здание и пошел между кустами, посаженными по периметру. Особняк снабжен мощными кондиционерами, но его обитатели предпочли «искусственному» воздуху свежий. Практически все распахнули окна. Я сосредоточился, мысленно представил себе коридор и начал считать в уме. Четыре окна столовой, два эркера гостиной, балконная дверь, ага, вот это проем в мою комнату.

Я ввалился внутрь, споткнулся о маленький столик и удивился. Вроде в моей спальне нет такого, но тут из угла донесся абсолютно спокойный голос:

– Ваня, ты мне нужен.

От неожиданности я попятился, опять налетел на столик и уронил стоявшую на нем мраморную статуэтку. Тут только, оглядев помещение, я понял, что фатально ошибся, попал в спальню Кузьминского.

Если Сергей Петрович и удивился тому, что частный детектив появился домой под утро, да еще обряженный в женское платье, то внешне он никак не выказал изумления.

– Сядь-ка, – велел он.

Я опустился в кресло, вытянул по привычке ноги, потом увидел свои босые черные ступни, попытался засунуть их под сиденье, потерпел неудачу и обозлился. Кузьминский, без тени улыбки наблюдавший за моими муками, резко сказал:

– В доме совершено преступление.

Я кивнул:

– Бедная Катя!

– Не о ней речь, – отмахнулся Сергей Петрович, – здесь как раз все ясно, дело закрывают.

Я разинул рот.

– Уже нашли убийцу?

– Это самоубийство.

От изумления я, забыв про грязные ноги и юбку, воскликнул:

– Да ну?

Кузьминский мрачно кивнул.

– Катя – дочь приятелей моих старинных знакомых, была взята мной из милости. Ясно?

– Что-то пока не очень...

Сергей Петрович щелкнул крышкой серебряной сигаретницы, спустя мгновение по спальне поплыл сизый дым.

– У меня есть друзья, – начал он объяснять ситуацию, – Андрей и Людмила Волох, мы вместе учились в институте, понимаешь?

Я кивнул. Конечно, студенческий галстук[1 - Во многих колледжах Америки, Англии, Германии и др. студенты носят форменные галстуки, по которым сразу понятно, где вы получаете образование. Галстук хранят всю жизнь, и часто он служит пропуском туда, куда не пустят другого человека. Выпускники Итона, Кембриджа или Оксфорда всегда поддерживают друг друга – такова традиция.] и воспоминания юности.

– Андрей поддерживает тесные отношения с Мишей и Надей Борисовыми. Естественно, я хорошо знаю их, не раз встречались на днях рождения Андрея и Милы, но я с Борисовыми не близок. Это тоже ясно? Так вот, – спокойно продолжил Кузьминский, – Катя – дочь Борисовых. Девочка она странная, причем с самого детства. Сколько Миша с Надей ни пытались заставить дочь учиться, не смогли.

Ребенка буквально за уши тащили сквозь колючие дебри знаний, но ничего к нему не прилипло. В шестом классе Надя сдалась, забрала Катю из школы и посадила дома. Учителя табуном стали ходить на квартиру. К пятнадцати годам стало ясно: Катя необучаема. Она с трудом освоила чтение и два арифметических действия: сложение и вычитание. Тут только родители поняли, что дело не в лени, не в нежелании учиться, а в чем-то другом, и догадались обратиться к специалистам-дефектологам. Те живо выяснили, что у их дочери органическое поражение головного мозга. Катя не даун, не олигофренка или имбицилка, но освоить программу средней школы ей не дано.

– Обучите ее несложной профессии, – посоветовали психиатры.

Надя попыталась пристроить девочку к делу. Парикмахер, маникюрша, продавщица, машинистка-наборщица... Все оказалось Кате не по силам. Да еще неразвитая умственно девушка в девятнадцать лет выглядела очень аппетитно, и родители боялись, что она, имея менталитет десятилетнего ребенка, попадетсЯ какому-нибудь негодяю. И тогда Андрей попросил старинного друга:

– Возьми Катю к себе, прислужой. Ей можно платить совсем немного. Главное, чтобы работала целый день в хорошем доме, а то родители на службу уходят, Катерина одна в квартире остается, нехорошо это.

Сергею Петровичу как раз требовалась горничная, и он решил попробовать. Неожиданно Катя пришлась ко двору. Аккуратная, всегда веселая, глуповатая, она понравилась Кузьминскому и, что более важно, не вызвала отрицательных эмоций у Беллочки. Гневливая, невожатанная на язык Белла мигом ругалась с прислужой. Если в ее комнате обнаруживался беспорядок, она хватала домработницу за плечи и, топая ногами, визжала:

– Тебе за что деньги платят, а? Лентяйка чертова!

После пары подобных выволочек прислужа увольнялась. Общий язык с Беллочкой нашли только Лариса и Катя. Последняя, вжимая голову в плечи, бормотала:

– Простите, Белла Сергеевна, не досмотрела, извините, больше никогда...

Беллочка, привыкшая к тому, что жертва извивается, сопротивляется и пытается кусаться, терялась, отпускала Катю и буркала:

– Ладно, в следующий раз убирай лучше.

– Так я сейчас опять пропылесосу. – И Катя кидалась в мансарду.

Последнее время Белла даже перестала ее ругать и изредка делала подарки: отдавала неполюбившуюся кофточку или косметику, которую считала неподходящей.

– Наверное, у нее совсем помутился рассудок, – вздыхал Кузьминский. – Глупые бабы тут судачили на тему семейной легенды, а Катя-то все всерьез воспринимала, вот и решила на самоубийство.

– Но почему, какая причина? – недоумевал я.

Кузьминский нахмурился:

– С ума сошла. Сначала пятно малевала на картине: то ли пошутить хотела, то ли испугать кого...

– Так это она! – подскочил я.

Сергей Петрович кивнул:

– Да. В ее комнате, под кроватью, нашли кисти и баночку с гуашью, а еще пальцы правой руки трупа были измазаны красной краской.

– Но почему она решилась на суицид?

Кузьминский махнул рукой.

– Больная глупая девочка. Если тебя интересует истинная причина произошедшего... У меня имеется шофер, Костя. Между ним и Катей вспыхнул роман. Я знал об этом и не противодействовал их отношениям. Два сапога пара. Одна способна только сериалы смотреть, у другого в голове лишь футбол. Пусть женятся, заводят детей и живут счастливо. Прислуга у меня имеет комнаты в домике, в саду.

Это Лариса Викторовна доложила хозяину, что шофер по ночам навещает Катерину, но Кузьминский не стал вмешиваться. Костя же оказался ловеласом. Катя быстро надоела парню, и он дал ей от ворот поворот. Девушка проплакала несколько ночей, а потом пошла в кабинет и...

– Вот ужас-то, – воскликнул я, – но отчего столь странный способ? Убила себя возле картины, ножницами в шею...

– Отчего она именно так решила уйти из жизни? Вот уж этого не знаю, мало ли какие мысли бродят в больной голове. Все-таки Катя была не совсем нормальной. Мне Михаил как-то подшофе на дне рождения Андрея проговорился, что Надя во время беременности заболела воспалением легких и ей кололи сильные антибиотики, очевидно, лекарства подействовали на формирующийся мозг ребенка. Конечно, это печально, но ничего загадочного в смерти несчастной дурочки нет, да и история с пятном выяснилась. Кстати, узнай я сразу, кто пачкает портрет, мигом бы без всякого сожаления уволил

Катерину.

– Да уж, – пробормотал я, – дикая история.

– Случилось еще кое-что, – спокойно заявил Кузьминский.

– Что же именно?

– Ну, в общем, ничего нового, – достаточно равнодушно ответил Сергей Петрович, – деньги украли.

Я похолодел.

– Весь миллион?

– Нет, сто десять тысяч.

– Сколько?

– Сто десять тысяч, – повторил хозяин.

– И кто это сделал? – вырвалось у меня.

– А вот сей факт и предстоит выяснить, – протянул Кузьминский.

– Какая странная сумма, – удивился я, – сто десять тысяч, огромная и удивительная, как бы это выразиться – не круглая...

– Небось вор хотел сотню упереть, – предположил Сергей Петрович, – а второпях схватил лишнюю пачку. Причем чувствует он себя совершенно безнаказанным. Я же вчера заявил, будто не знаю, сколько денег находится в столе.

– Может, все-таки лучше обратиться в милицию? – осторожно предложил я.

– Не пори чушь, – оборвал меня хозяин, – я совершенно не собираюсь сажать за решетку родственников, сам накажу того, кто крысятничает. И потом, как я

обнародую сумму?

– Почему бы нет? Вы же состоятельный человек.

– Ваня, – с жалостью проговорил Кузьминский, – это черный нал, деньги, припрятанные от налоговой инспекции. Поверь мне, лучше уж даже не искать вора совсем, чем озвучивать количество купюр в моем столе. Получу такую кучу проблем, такой геморрой...

Кузьминский замолчал и снова потянулся к сигаретам. Мне же на ум пришел неожиданный вопрос: отчего в нашем современном понимании слово «геморрой» является синонимом головной боли?

Глава 8

Выспаться мне так и не удалось. Тщательно вымывшись, я сунул скомканную одежду незнакомой старухи в пакет, с огромным облегчением облачился в костюм и поехал отчитываться перед Норой.

Ленка открыла мне дверь и воскликнула:

– Вы чегой-то похудели.

– Быть того не может, – ответил я, снимая ботинки и нашаривая тапки.

– Точно говорю, – настаивала она, – прямо лицо кожей обтянулось, а глазья внутрь черепа провалились.

Я запихнул обувь повыше. Эту привычку приобрел с тех пор, как в доме появился кот Василий вместе со своей хозяйкой Мирандой[2 - См. книгу Дарьи Донцовой «Инстинкт Бабы-Яги»].]. Гадкое животное обожало использовать ботинки в качестве сортира. Но сейчас, слава богу, кота нет. Миранда учится в Лондоне, в закрытом колледже, а Василий и Филимон теперь живут у наших друзей в загородном доме. Кстати, для тех, кто не в курсе: Филимон – не мужчина и не мальчик, а простой кролик. Василия больше нет в нашем доме, но привычка

ставить ботинки высоко у меня осталась.

Стоило войти в кабинет, как Нора наехала на меня, в самом прямом смысле слова – в кресле.

– Ты почему не берешь мобильный?

Я вздохнул. Вот еще одна проблема – сотовый пропал вместе с пиджаком.

– Увы, я потерял его.

– Где?

Однако дурацкий вопрос. Знал бы где, пошел и взял бы.

– Понятия не имею, просто выронил на улице.

– Изволь сейчас же купить новый!

Я кивнул:

– Сегодня же отправлюсь в салон.

– Да уж, сделай милость, – злилась Элеонора, – а теперь выкладывай!

Выслушав мой рассказ, она побарабанила пальцами по подлокотнику кресла.

– Странно, однако. Сто десять кусков! Может, у кого-то из членов семьи имелись долги на эту сумму?

Я пожал плечами и напомнил:

– До этого бесследно испарились еще двадцать тысяч. Значит, в общей сложности сто тридцать.

– Ага, – протянула Нора, – сдается мне, у кого-то были большие денежные проблемы, ну-ка, еще раз перечисли всех обитателей.

Я начал загибать пальцы:

– Белла и Клара...

– Этих можно смело сбрасывать со счетов, – самоуверенно заявила Нора.

– Почему?

– Они еще дети.

– Вовсе нет, – попытался возразить я, – одна ходит в университет, вторая учится в институте, и они ненавидят друг друга по-взрослому...

– Ерунда, – бесцеремонно прервала меня Элеонора, – ну зачем им столько денег?

На мой взгляд, женщина всегда найдет, куда пристроить и рубли, и доллары. Если она ни в чем остро не нуждается, все равно не устоит и потратит любую попавшую в руки сумму на сущую ерунду. Никогда не забуду, как мы с Жанной заглянули в универмаг.

Постоянно повторяя: «Похожу здесь всего минутку» и «Мне совершенно ничего не надо», эгоистка прошлялась по этажам полдня.

Она приобрела сервиз, комплект постельного белья, кучу керамических безделушек, несметное количество косметики, две совершенно неподходящие ей кофточки, плюшевого мишку, открытки с изображениями собачек, три горшка с кактусами и один с фикусом. Апофеозом был диванный валик в виде выстроившихся в ряд тигрят.

Обвешанный пакетами, я практически без сил рухнул в автомобиль и трясущейся рукой начал засовывать ключ в замок зажигания. Жанночка же, свежая, словно утренний круассан, блестя глазами, громко верещала:

– Абсолютно отвратительный магазин. Совершенно не на чем остановить взгляд, так ничего и не купила. Вот позавчера с Лелей заглянули в «Крокус-сити». Уж там мы оторвались, нашопились от души, все покупки в Лелькин автомобиль не влезли.

На всякий случай сообщу вам, что у Лели «Лэндкрузер», дорогуший джип размером с троллейбус...

– Следовательно, Белла и Клара отпадают, Маргарита с Павлом тоже, – неслась дальше Нора.

– А эти почему? – вновь удивился я.

– Ваня, – менторским тоном сказала Нора, – тебе следует учиться мыслить логически. Законная супруга Кузьминского вместе со своим любовником появилась в доме уже после того, как пропали двадцать тысяч. Как они, по-твоему, могли их спереть?

– Но сто десять-то испарились при них, – напомнил я.

– Нет, доллары тащила одна рука.

– Отчего вы пришли к такому выводу?

– Мне так кажется!

Железная логика и совершенно бесподобная аргументация, типично женское поведение. «Мне так кажется», и точка. Еще женщины любят советоваться с внутренним голосом и полагаться на интуицию.

– И кто у нас остается?

– Прислуга: Лариса Викторовна, шофер и садовник.

– Эти тоже не причастны.

Я уставился на Нору. Ловко она со всеми разобралась.

– Шофер и садовник не могут свободно передвигаться по особняку, – пояснила Элеонора.

Я кивнул, вот с этим согласен, мужской прислуге и впрямь было бы затруднительно объяснить, по какой причине они оказались на втором этаже. Зато Лариса беспрепятственно проникает в любое помещение.

– Экономка бы давно уволилась, получи она такую громадную сумму, – размышляла вслух Нора.

Я хотел возразить, что бешеные тысячи испарились только что, у экономки просто не было времени на расчет, но промолчал. Спорить с Норой столь же неблагоприятное занятие, как воспитывать крокодила. Женщину невозможно ни в чем переубедить, она всегда права.

– Следовательно, мы имеем двух основных подозреваемых, – щебетала Нора, – Анну и Валерия. Муж и жена – одна сатана. Небось надоело в приживалах ходить, вот и решили себе квартиру на стыренные денежки купить. Как тебе такая версия?

Я постарался сохранить заинтересованное выражение лица. Не всегда супруги выступают единым фронтом. Подчас они даже ненавидят друг друга и не прочь жить порознь, но их сдерживают дети, общее хозяйство. А насчет усталости от положения приживал... Тут Нора, как все дамы, примерила ситуацию на себя. Ей, безусловно, было бы невыносимо жить из милости в доме у богатого родственника, только и Анна, и апатичный Валерий произвели на меня впечатление людей, абсолютно довольных ситуацией.

– Значит, изучишь подноготную парочки, – Нора принялась раздавать указания, – прошлое, настоящее... Обязательно наткнешься на дырку, в которую они впихнули краденые деньги. Дело-то ерундовое, преступники вычислены, осталось лишь собрать доказательства их вины. Можешь приступать.

Не успел я раскрыть рот, чтобы попытаться вразумить Нору, как в кабинет заглянула встрепанная Ленка.

– Иван Павлович, вас к телефону.

– Сколько раз тебе объяснять, – обозлилась хозяйка, – когда мы работаем, не следует мешать. Пусть перезвонят позднее.

– Так это мама Ивана Павловича, – испуганно сообщила Ленка, – как заорет: «А ну давай сюда Ваню немедленно». Я прям обмерла, может, она помирать собралась, так завопила.

– Если человек на пороге кончины, – вызверилась Нора, – он не станет визжать, сил на истерики не хватит, на тот свет отъезжают, как правило, молча. Вели ей через час перезвонить. Впрочем, нет, я знаю Николетту, примется трезвонить каждые пять минут. Ступай, Ваня, побеседуй с маменькой.

Я взял протянутую трубку, вышел в коридор и тихо сказал:

– Слушаю. – И в тот же миг чуть не оглох.

Как все бывшие актеры, маменька обладает громким голосом и способна четко произносить тысячу звуков в секунду.

– Вава! Мне так плохо, я просто умираю, абсолютно нет никакого аппетита, желудок болит, а ты...

Я молча выслушивал жалобы. Последнее время Николетта приобрела привычку без конца говорить о грядущей смерти и страшных заболеваниях, которые ее одолевают. При этом учтите, что давление у матушки стабильно держится на цифрах «120» и «80», а легкое несварение бывает от злоупотребления деликатесами. В почтенном возрасте нужно питаться просто: овсянкой, овощным супом, отварной рыбой «кошачьего» сорта, то есть минтаем, а вовсе не жирной семгой, до которой Николетта большая охотница.

– Немедленно приезжай, – закончила маменька.

– Сейчас не могу. – Я попытался оказать сопротивление, но Николетта мигом подавила восстание рабов:

– Сию секунду!

– Но я на работе.

– Дай мне Нору, – потребовала маменька.

– Но...

– Нору!!!

Делать нечего, пришлось нести телефон назад в кабинет.

– Говори, – сердито рявкнула хозяйка.

Трубка разразилась хлюпаньем, чавканьем и повизгиванием.

– Тише, – поморщилась Элеонора, – ты меня оглушила!

Но Николетту это заявление не смутило. Спустя десять минут моя хозяйка отсоединилась и покачала головой.

– Как только твой отец, царствие ему небесное, терпел жену! Ангельский характер был у Павла. Поезжай, Ваня, к ней. Честно говоря, я не слишком хорошо поняла, в чем суть дела. Вроде Николетта потеряла документы или ее ограбили. Да, еще у нее кончились продукты, велено купить по дороге.

Я покорно пошел на выход. Маменька постоянно утверждает, что начисто лишена аппетита. Однако харчи в ее холодильнике исчезают с завидной скоростью. Я забиваю рефрижератор Николетты раз в неделю, это не считая покупок, которые делаю для ее постоянных журфиксов и суаре[3 - Журфикс и суаре (искаженный французский) – дни приема гостей. Журфикс – жестко фиксированный день, допустим, среда. Суаре – вечеринка, которая собирается в любое удобное время.].

Чувствуя себя разбитым после бессонной ночи, я подрулил к супермаркету и, взяв проволочную тележку, двинулся вдоль рядов...

Покупая провиант для маменьки, следует учитывать, что все, включая хлеб, обязательно должно быть зарубежного производства. Бесполезно втолковывать Николетте, что наш шоколад намного вкусней турецкого, черкизовская колбаса лучше датской, а вологодское масло свежее и восхитительнее финского.

Нет! Маменька, увидав коробки, банки и упаковки с надписью «Сделано в России», мигом капризно выпятит нижнюю губку и занает:

– Опять приволок несъедобное! Боже, я вынуждена на старости лет питаться гнилью за копейки. Как ужасно быть бедной, никому не нужной вдовой, умирающей от рака желудка. Да, недолго мне осталось, скоро освобожу тебя.

Поэтому я каждый раз зря трачу лишние деньги. Импортные набитые консервантами яства намного дороже наших нормальных продуктов. Один раз я расшалился и провел эксперимент. Взял пустую коробку из-под противного датского печенья, сделанного на машинном масле в прошлом веке, и насыпал туда наше, восхитительно свежее, производства фабрики «Большевик».

Постанывая от наслаждения, Николетта за один час смела полкило жирного курабье и потом долго восхищалась его нежным вкусом. Стоит ли говорить, что маменька даже не взглянула бы на печенюшки, будь они в родной упаковке.

Забив каталку доверху, я допинал ее до кассы и принялся вываливать покупки на резиновую ленту. Хорошенькая девочка, кокетливо сверкнув ярко накрашенными глазками, выпрямилась, одернула на груди форменный халатик и прочирикала:

– Мужчина, вы зря взяли это масло и йогурты. Они совсем не вкусные, да и дорогие слишком. Лучше берите наши, они в три раза дешевле и живые. Ну сами посудите, что такое надо насовать в молочные продукты, чтобы они по году не тухли. Гляньте на упаковку, там сплошные буквы «Е» с номерами.

Я продолжал выкладывать отобранное. Отчего я вызываю у большинства женщин мгновенное желание руководить мной? Пигалица за кассой тоже не упустила момента, хотя ей в торговом училище небось объясняли, что клиент всегда прав.

– И колбаса эта мертвая, – вещала девица, – у вас, наверное, жены нет, подсказать некому, хотите, помогу?

– Слышь, ты, Барби недоделанная, – рявкнул стоящий сзади меня парень, – если где увидишь живую колбасу, свистни, прибегу посмотреть. А сейчас заканчивай к мужику клеиться, работай, блин, скорей. У него своего бабья без тебя хватает! Небось уж заучили до отключки.

Я с благодарностью глянул на своего защитника. Девчонка фыркнула и принялась выбивать щеки. Итог составил шесть тысяч двести пятьдесят рублей.

– А послушались бы меня, – вновь не утерпела кассирша, – обошлись бы половинной суммой.

Ничего не ответив, я пошел к машине.

Получив продукты, Nicolette принялась потрошить пакеты, восклицая:

– Фу! Йогурты молочные! Надо было брать сливочные. А почему пудинг ванильный? Я же ем только шоколадный. И копченая колбаса не «Брауншвейгская»! Вава, я не перевариваю «Докторскую»! Ужасно! И где манго?

– Они были зелеными, – попытался отбиться я.

– А это что? – взвизгнула Nicolette.

– Туалетная бумага.

– Польская, однослойная! Омерзительно, – затопала ногами маменька, – как тебе пришло в голову, что я повешу в туалете рулон ядовито-розового цвета?

На мой взгляд, цвет сортирной бумаги не имеет значения. Я попытался довести эту простую мысль до маменьки, но она взлетела вверх на струе злобы.

– Вава! У меня в санузле бежевые стены и напольная плитка цвета спелой хурмы. Понимаешь, что из этого следует?

– Честно говоря, не очень, – признался я.

– Бумага туда годится либо белая, либо палевая, но никак не розовая.

– Виноват, исправлюсь, – кивнул я.

С Николеттой лучше соглашаться, так вы избежите шумного скандала. Она продолжала ворошить пакеты, высказывая недовольство: куриные яйца мелкие и противные, пачка масла кривая, селедка не в том соусе, помидоры не имеют буро-красного оттенка, семга, наоборот, слишком яркая, ей следует быть розовой, оливковое масло не той фирмы, хлеб пахнет тряпкой, а сыр не вызывает любви.

Последнее замечание повергло меня в ступор. На мой взгляд, «Эдам» не следует обожать, его просто едят, режут на ломтики и кладут на хлеб.

– Вот она, тяжелая жизнь нищенки, вынужденной экономить на питании, – подвела итог маменька и тут же принялась раздавать указания своей домработнице Нюше:

– Икру поставь на холод, миноги положи вниз, клубнику оставь на столе. Господи, как тяжело! Все приходится делать самой.

Нюша челноком сновала по просторной кухне, подгоняемая криками:

– Не туда! Заверни в фольгу! Осторожно, сейчас разобьешь! Так я и знала! Косорукое чудовище!

Наконец маман перевела дух, Нюша, шмыгая носом, вытирала желтоватую лужицу от разбитого яйца.

Я воспользовался возникшей тишиной и спросил:

– Что случилось? Ты потеряла документы?

Маменька повернула ко мне стриженную в салоне «Жак Блер» голову. Лучше вам не знать, во что мне обходится каждый ее поход в это парикмахерское

капище.

– В отличие от очень многих людей, – язвительно заявила маменька, – я никогда ничего не теряю.

– Но Нора сказала мне...

– Она не поняла!

– Так что случилось?

– Сейчас сядем в гостиной, и расскажу. Ты что, не слышишь, старая идиотка? Немедленно ответь!

Последние фразы относились к Нюше, которая стояла возле подпрыгивающего от негодования телефонного аппарата с раскрытым ртом.

– Але, – завопила домработница, – кто! Чаво? Каво?

– Чаво, каво, – передразнила Николетта, – господи, сто лет как из деревни приехала, а разговаривать не научилась.

– Что случилось? – продолжал я любопытствовать.

– Сначала сядем.

– Но я тороплюсь.

– Не буду говорить на ходу, – уперлась маменька.

– Это тебя, Ваняша. – Нюша сунула мне трубку.

Я машинально сказал:

– Слушаю.

– Немедленно поезжай к Кузьминскому, – нервно заявила Нора, – там дым коромыслом.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Во многих колледжах Америки, Англии, Германии и др. студенты носят форменные галстуки, по которым сразу понятно, где вы получаете образование. Галстук хранят всю жизнь, и часто он служит пропуском туда, куда не пустят другого человека. Выпускники Итона, Кембриджа или Оксфорда всегда поддерживают друг друга – такова традиция.

2

См. книгу Дарьи Донцовой «Инстинкт Бабы-Яги».

3

Журфикс и суаре (искаженный французский) – дни приема гостей. Журфикс – жестко фиксированный день, допустим, среда. Суаре – вечеринка, которая

собирается в любое удобное время.

Купить: <https://tellnovel.com/darya-doncova/13-neschastiy-gerakla>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)